

graffiti

Кузьма СКРЯБИН

граффити

Я,
«Победа»
и Берлин

CF FOLIO

графити
граффити

Кузьма Скрябин

Повести

Харьков «Фолио» 2008

Когда не знаешь, с чего начать, то закрадывается мысль: а стоит ли вообще начинать? Но есть о чем рассказать и, видимо, придется все-таки с чего-то начать. Например, с того, как я зашел к Орыське. Она жила в моем вонючем подъезде тремя этажами выше. Подъезд вонял не потому, что там жили мы с Орыськой, а просто вонял, как воняли в те времена все «советские» подъезды. Я позвонил в дверь. В то время, как советская молодежь штурмовала вершины наук, Орыська в триста восьмой раз вернулась с товаром из Турции и снова собиралась ехать туда через пару дней, чтобы удовлетворить потребности украинских трудящихся в свитерах «Бойс». Это, должен вам сказать, ей удавалось. Половина жителей Новоеврейска считала признаком хорошего тона лазить по городу в свитерах от Орыськи. И Новоеврейск вечерами напоминал колонию «Бойсов», которые отличались друг от друга разве что цветом самой надписи «Бойс». Орыська открыла дверь и окинула взглядом подъезд за моей спиной. Я заходил нечасто, и, Бог свидетель, мой визит ничего хорошего Орыське не предвещал. Я вошел и, не распространяясь о погоде и о том, как идут дела, перешел к главной цели своего визита: — Орыська, займи двести баксов.

(В то время сумма в двести долларов была эквивалентна теперешней сумме в две тысячи баксов.) Орыська, уже давно оперировавшая суммами, где нулей было значительно больше, чем в той, что просил я, тряхнула кудряшками в знак согласия, и через минуту я стоял за дверью, зажав в руке то, о чем еще десять минут назад боялся мечтать. За двести долларов я должен был купить ПЕРВУЮ В СВОЕЙ ЖИЗНИ собственную машину. Ровно за такую сумму ее продавал один львовский художник. И не потому, что нуждался в деньгах. Он купил новые «Жигули», а «Победа», да, именно о ней идет речь, стояла в гараже лет сто, и никто не знал, каким образом ее оттуда извлечь. Это покажется странным, но я это почему-то знал. Я никогда не искал легких путей в решении проблем, и даже когда все казалось элементарным — шел в обход. Для того чтобы «Победа» выехала из гаража, нам, как минимум, нужен был аккумулятор. Я позвонил Кьюру, и мы вечером, аккуратно раскурочив полмусоровоза, сняли с него далеко не первой свежести, но в рабочем состоянии танковый аккумулятор. Почему танковый — никто не знал, но тогда все батареи крупнее «жигулевских» назывались танковыми. Кюр любил стремные экспедиции, и поэтому кандидатура соучастника не обсуждалась. У него было богатырское здоровье, и пока я собирался с мыслями и искал, чем бы открыть капот, Кюр его просто сломал, так же, как однажды отломал в трамвае компостер и пробил им голову какому-то алкоголику, который всего лишь косо на него посмотрел. Вместе с аккумулятором мы вытащили с полметра толстого кабеля, который уходил куда-то в кабину. На следующий день со всем этим добром в громадной сумке и двумястами баксов, спрятанных в карманчике в трусах, я гордо ввалился во двор художника. Это, судя по всему, был художник-неудачник, во всяком случае, такое он производил впечатление. Типа — сам

творю, сам кайфую, и никому не дано понять силу моего таланта. Мы зашли в гараж. Красавица «Победа» стояла накрытая какой-то ветошью, на которой сохранились еще письма древних ацтеков. Художник недооценил свои возможности и, дунув на капот, поднял такое облако пыли, что сам растворился в нем. После того, как пыль осела, в том числе и на меня, художник вновь появился на экране и спросил:

— Деньги привез?

— Само собой, — ответил я тоном, достойным Билла Гейтса, который решил прикупить фирму Apple Macintosh. Отвернувшись, я засунул руку в штаны и, изрядно повозившись, чуть не порвав одну из соток, выдал деньги нагора. Протянул их художнику:

— Прошу.

Тот взял банкноты и стал их изучать — один Бог знает, что он мог увидеть в темноте гаража. Однако изучал он деньги долго и наконец спрятал их в карман. Я невольно порадовался, что Орыська дала сотками, а не десятками, не то мы провели бы в гараже всю ночь. С таким же успехом художнику можно было всучить два клочка туалетной бумаги или две салфетки. Он даже боялся доставать при свете дня эти деньги из кармана, преследуемый мыслью, что его могут посадить за валютные операции.

Мы вытащили аккумулятор из сумки и открыли капот машины. Места там было значительно меньше, чем хотелось бы. Аккумулятор пришлось поставить в багажник, который напоминал скорее дамскую сумочку. Кроме этого злополучного аккумулятора туда можно было втиснуть разве что пачку сигарет. Пригодился тот кабель, который мы с Кьюром выдрали из мусоровоза. Им нужно было соединить расположенный в багажнике аккумулятор и стартер под капотом — я думаю, что когда мы протаскивали кабель, толщиной с руку, под сиденьями автомобиля, его конструктор трижды в гробу

перевернулся. До такого могли додуматься разве что наши, советские умы. И это еще не было верхом нашей изобретательности. Кабель не пролезал в дыру под рулем, которая вела из кабины под капот, и мы пустили его наружи. Он выходил со стороны передней правой двери и спокойно возвращался обратно. В воздухе провисало всего каких-то сорок сантиметров. Тот факт, что кабель был пережат дверью и крышкой капота, нас абсолютно не смущал.

Салон «Победы» — это отдельная песня. Вы открываете дверь, которая весит, наверно, как автомобиль «Таврия» с четырьмя пассажирами на борту, и попадаете в большую просторную квартиру с двумя диванами. Заднее окошко, размером с зеркальце для бритья, входящее в комплект бритвы «Харьков», создает незабываемую атмосферу покоя и комфорта. Через него ничего не видно ни из салона, ни с улицы. Такое себе окошко. Над задним диваном аркообразный свод потолка машины подчеркивает бесконечность вселенной и создает иллюзию прекрасного чистого неба, которое загибается у вас за головой и падает на фиг куда-то за диван, подтверждая тем самым гипотезу о том, что Земля круглая. Выпуклая люстра посредине высоченного, как австрийские перекрытия львовского вокзала, потолка «Победы» включалась таким же большим помпезным тумблером, чтобы не промахнуться в темноте. Когда свет заливал салон, вам не хватало только одного — цветочных горшков на прекрасных овальных окнах автомобиля. Чтобы не отвлекать водителя от спокойной, по-домашнему уютной атмосферы внутреннего мира «Победы» бардаком, творящимся на дороге, переднее, то есть ветровое стекло было задумано в виде узенькой щелочки, разделенной посредине планкой, как защитные очки токаря. Через него, так же, как и сквозь его задний аналог, почти ничего не было видно в обе стороны — туда и обратно. То есть человек, который имел счастье управлять этой квартирой на колесах, жил своей

жизнью. Безопасностью своего путешествия он был обязан остальным водителям, которые ломали себе голову, как с ним благополучно разминуться на дороге.

Сел я в этот салон — и слезы восторга хлынули от испытанных мною ощущений. Сиденья были сделаны по заказу какого-то партийного босса из кожи свиноматки, и приятный холодок свиного тела завершал перечень всех плюсов, связанных с этим агрегатом.

Художник стоял в сторонке и не знал, плакать ему или радоваться от того, что машина, после которой в гараже освободилось место для троллейбусного парка Львова, наконец-то выедет на свет божий не с ним, а с каким-то полоумным студентом, который назвал себя медиком, а выглядел как безработный лондонский докер, собирающий пивные бутылки по мусоркам черного района Пэкхем.

— Ну что, едем в МРЭО? — У меня, как у нового владельца, прорезались командные нотки, которые и вывели художника из ступора.

— Ага, только переоденусь, — пробормотал он и шаркал старыми шлепанцами по песчаному двору. Его кот, который немо наблюдал за нами все это время, полизал у себя под хвостом, усмехнулся себе в усы и забрался под машину.

Я проверил все соединения, которые сделал пять минут назад. В технике я шарил ровно настолько, чтобы закрутить клеммы на аккумуляторе и повернуть ключ зажигания, что успешно и проделал. «Победа» хранила молчание. Я крутанул ключом еще раз — шит хеппенс, как говорят англичане. Тут вернулся художник. Он нес какую-то огромную металлическую ручку. Я сразу решил, что он проверил дома бабки, и они оказались фальшивыми. Видно, Орыська подсунула мне какое-то «палево». Не зря она так легко с ним рассталась. Понавезла от турков фуфла и теперь людям втюхивает. Но художник с неизменно растерянным выражени-

ем фейса выдал информацию о том, что без помощи этой штуки машина из гаража пока ни разу не выезжала. Оказалось, нужно было вставить эту ручку в специальную дыру в решетке спереди и крутить, попердывая в такт проворачиванию засохших цилиндров. С подобным процессом я в своей невинной жизни еще не сталкивался. Но все бывает впервые. Я вставил ручку в отверстие и начал заниматься с «Победой» медленным и гнетущим сексом. Художник наблюдал за мной пару минут и, когда я стал напоминать зашедшегося в приступе астматика, сказал, что, возможно, нужно подкачать педаль газа, после чего залез в кабину и пару раз нажал ногой на гашетку. Я крутанул горбатую ручку, и какое-то особое чувство подсказало мне, что этот инструмент на ближайшие годы станет неотъемлемой частью МЕНЯ. Всем своим весом я надавил на злосчастный костыль и крутанул сильнее и резче, чем прежде. Машина кончила! Ей понравился способ, которым я насиловал ее железную пицунду. Она рыкнула и завелась. Двигатель работал на удивление ровно и размеренно. Звук, правда, был при этом такой, будто падал грузовой самолет.

— Просто глушака нет, — решил утешить меня художник.

— Я уже понял, — ответил я, но в рокоте этого зверя художник моего голоса не услышал. Радость моя все же была намного больше, чем разочарование. Еще одна вылазка с Кьюром, — и будет глушак. Какая разница, что откручивать? Художник недоверчиво спросил:

— Ты водить умеешь?

Я хотел ответить грубо, но сдержался, боясь, что он раздумает продавать машину.

— Я с трех лет за рулем, — соврал я и забрался на место водителя. Художник сел рядом, и я тронулся. Рычаг переключения передач находился на руле, как в американских тачках, и я прибалдел, как ребенок. Когда врубал

первую — к себе и вниз! Вторая — от себя и еще раз от себя.

— Классно едет, — сказал я художнику, не понимая, как она должна была бы ехать, чтобы я не произнес этих слов. Машина плавно катилась по львовской брусчатке, громяхая своей разболтанной требухой. Люди оборачивались на нас и реагировали по-разному. Одни крутили Пальцем у виска, другие кричали нам вслед что-то приятное, типа: где вы ее откопали, придурки? Третьи показывали «фак», а четвертые бормотали себе под нос всяческие проклятия в наш адрес. Одним словом, я и моя машина с самого начала нашего сожительства вызывали у окружающих абсолютный позитив.

В милиции мы пробыли недолго. Прodelав все необходимые манипуляции, художник быстренько слинял в неизвестном направлении, довольный тем, что не придется еще раз позориться в этом ржавом корыте. А я, окрыленный, поехал на Своей Собственной машине в Новоеврейск — город романтиков и полоумных, одним из которых был и я.

Я припарковался перед своим вонючим подъездом, вызвав оживление у бабулек, которые тоннами лузгали семечки под подъездом и обсасывали со всех сторон абсолютно каждую новинку, которая попадалась им на глаза.

— Смотри, смотри, у малого Кужьменка уже машина есть, — услышал я за спиной.

— Где только эти куркули деньги берут? У папаши машина, у сынка — машина...

Я не испытывал радости от общения с бабками, и поэтому каждый раз моя беседа с ними дальше «здрасьте» не шла. Я взлетел на третий этаж, позвонил в двери и, когда мама открыла, сказал:

— Ма, выйди на улицу, что-то покажу!

— Принеси сюда, Андрюша, у меня времени нет.

— Ма, ну выйди, я тебя прошу. Это сюрприз.

Мама надела шлепки и вышла вслед за мною во двор. Бабок было уже больше, и все косились на мой тарантас. Мама не принадлежала к числу людей, которым нравятся ржавые сюрпризы, к тому же старше тебя на тридцать лет.

— Я купил машину, — гордо сказал я и ткнул в «Победу» пальцем. — Двести баксов.

Если бы мама умела терять сознание, она бы его потеряла, но в тот момент план ее действий был ей пока неизвестен. Я только почувствовал, как растут давление в ее венах и желание запустить в меня чем-нибудь тяжелым.

— Ты шутишь? — с ноткой последней надежды в голосе спросила она.

— Ма, крутейшая машина, я все проверил, давай пока катаю!

— Отстань, гадость малая, что это ты такое выдумал? Езжай, верни ее! Откуда ты деньги взял? Очередную рухлядь в дом притащил? Ты нас с сумой по свету пустишь! Экзамены учи! Весь в отца!

Количество обрушившихся на мою скромную персону едких упреков было слишком велико, чтобы отвечать на них прямо на улице. Я имел богатый опыт, как выходить из подобных ситуаций, поскольку я каждую сессию пересдавал по нескольку раз. И я принял мудрое решение: дома не ночевать. Мамина истерика была закономерной. Год назад я поехал с отцом покупать первую машину, на которую семья собирала деньги всю жизнь. Я уговорил его купить старую «Волгу», и у нее по пути из Тернополя до Новоеврейска отпадали все жизненно важные детали. Кроме того, отец пробил ногами гнилое днище, и еще — возле милиции мы, открыв двери, тормозили ногами. Потому что тормоза полетели. Внешний вид «Победы» был не лучше, чем у ее предшественницы. Наоборот, нижние края машины были будто крокодилом обкусаны — так их съела ржавчина. Салон и мотор были в идеальном состоянии, но мама об этом не

скоро узнает. Поэтому она в трансе пошла домой, а я, уже без настроения, поехал на машине к своей девушке Барбаре, потому что всегда шел к ней, когда некуда больше было идти, и она меня всегда принимала. Потому что она была моей девушкой. И она верила, что хотя бы к старости я поумнею. Кстати, нужно у нее спросить, оправдались ли ее надежды?

«Победу» все же приняли в семью, потому что жить особо было не на что, а тут оказалось, что она в силах возить нас в Польшу, где мы торговали всякими диковинками. Но я ждал Большого Дела. Мой друг Бард открывал визы в Бундес. Он откопал какой-то канал и ездил туда каждые две недели. То ли просто подышать свободным воздухом объединенного Берлина, то ли покурить шмаль с дружбанами на Курфюрстендаме, то ли посетить концерт Ника Кейва, сходить на пати в Тахелес или Трезор, то ли отвезти парочку манекенов, которые он покупал на родине по три рубля за штуку, а там загонял безголовым швабам по 150 дойчмарок за каждое ободранное страшилище — никто этого не знал. Бард кайфовал от этих поездок. Он выглядел в то время как настоящий европеец. На нем всегда были штаны, прошедшие все возможные мировые войны, и куртка, которая оставила за собой таковой же путь. Так ходила вся Европа, и так ходил Бард.

Я смотрел по телику какую-то страшилку Брайана Клеменса с польским переводом, когда раздался телефонный звонок.

— Андрюша, тебя, — мама передала мне трубку, от которой тянулся длиннющий провод. За него цеплялись все, кто ходил по коридору. Но рационализатора, который укоротил бы как-нибудь этот шнур, не находилось.

— Але, — сказал я, не отрывая глаз от грозного носатого чувака, который бегал за теткой с явным желанием ее распотрошить.

— Кузьма, это Бард. Я слышал, ты тачку купил?

— Чувак, тачила — бомба, мы в Польшу уже раз сорок ездили. Я на ней туда половину родины вывез. Чувиха едет как танкер.

— Я в Бундес собираюсь, ты не хочешь?

— А когда?

— Где-нибудь через неделю, — ответил Бард. Он знал, что я максимально необязательный типчик. Меня в разных концах Львова могли ждать человек десять, в то время как я даже не собирался выезжать из родного Новоеврейска и слушал с Зоськой радио на крыше дома, потому что больше никто кроме нас двоих не слушал радио на крыше. Там или воняло смолой, или капало на голову — одно из двух. Но поляки там ловились лучше, чем дома. Бард сказал — через неделю, и это означало, что завтра нужно сдать ему паспорт для визы. Он делал поправку на мою непунктуальность. Мне это льстило. Я любил, когда на меня делали поправки. Значит, кому-то я еще на этом свете нужен.

— О'кей! — легко согласился я. Поездки в Берлин с Бардом я любил еще до машины, а теперь все обещало быть намного интересней и насыщенной.

Виза была готова через два дня, и Бард позвонил снова:

— Чувак, я договорился о манекенах в Бучаче, может, подъедешь туда и заберешь меня с ними оттуда?

— Не фиг делать, — сказал я. — Сколько их будет?

— Шесть детишек.

— Не понял?

— Ну, дети-манекены — в школьных формах стоят на витрине в универмаге. Папик добазарился по три ре за штуку.

А, ну если дети, то влезут, а то у меня багажник маловат. — К тому времени я выбросил украденный с мусоровоза аккумулятор и втиснул нормальный, который

помещался на свое место под капот, так что в багажнике освободилось немного места.

Я взял с собой своего отца. Мы ехали каким-то странным путем, делая невероятные петли по Тернопольской области. «Победа» не относилась к числу самых быстрых средств передвижения по суше, и максимальная скорость равнялась 50—60 км в час. Спидометр последний раз работал еще при Сталине, и мы определяли скорость по тому, как входило в резонанс правое крыло. Оно оторвалось от крепления и в какой-то момент начинало тарахтеть. Это явление имело место на скорости 40 км в час. Гаврик — бессменный автомобильный Гуру Новоеврейска, чувак с электронным голосом, ехал рядом на своей БМВ и засекал скорость, а я делал в голове отметки — с чем эта скорость связана. То есть когда ты проезжаешь знак «Ограничение сорок» — нужно сбрасывать газ до тех пор, пока с улицы не станет доноситься звук, как из дробильного цеха на нашем серном заводе. Тогда менты не останавливали. Они вообще редко останавливали мою машину. Ее внешний вид красноречиво указывал на неспособность хозяина пожертвовать что-то на развитие украинской милиции.

Мы с отцом дотащились до городка Бучач где-то после обеда. Бард вместе с Папиком ждали нас в универмаге. Папик был точной копией Барда, только немного ниже, плотнее и старше. Мы поздоровались и вошли внутрь. Нас встретил абсолютно пустой универмаг, пустой в смысле полного отсутствия товара на полках. Продавались только металлические крышки для закатывания варенья в банки. Причем их было просто до фигища. Больше не было СО-ВСЕМ НИЧЕГО. Как после татарского ига. Но весь персонал был на рабочих местах, и носился слушок, что должны подвезти кальсоны. Не знаю, способны ли кальсоны осчастливить тридцать человек, которые как броуновские частицы сновали возле того прилавка, где их должны были

выбросить, и, мешая друг другу, ловили свой нехитрый кайф. Мы поднялись на второй этаж, и Папик Барда исчез в дверях подсобки. Он был завучем ПТУ и мог в Бучаче ВСЕ! Через минуту он вышел из подсобки и тоном Наполеона, который только что сжег Москву, проинформировал:

— Виталичек, по три не будет. Я договорился по три пятьдесят.

— Супер, папа! — ответил на это Бард, достал два червонца, а остальное досыпал мелочью. За Папиком вышла продавщица, которая, собственно, и совершила это преступление: продала магазинный инвентарь.

— Господи, не знаю, что мне за это будет, но вы такие симпатичные ребята, забирайте этих детей, только пораздевайте, форма не продается, — пряча двадцарик в карман халата, сказала она.

Мы начали раздевать детей-манекенов. Школьная форма висела на них не один год, и на их шее остался выцветший треугольник. Из-за этого они напоминали инопланетян, которые сели в Бучаче, да там и остались, потому что их бензин скачали с НЛЮ местные пацаны и продали полякам на трассе. Навьюченные голыми детьми, мы прошли мимо броуновской массы, которая ждала кальсоны. Кто-то успел спросить:

— По сколько дают? — Что он имел в виду — цену или количество, — никто не понял. Легким галопом мы подбежали к машине, потряхивая мощами раздетых детишек. К сожалению, в багажник ни один шкет не влез. Пришлось всех запихать в салон. Поскольку назад нас ехало девятеро — трое живых и шесть пластмассовых пацанов, Бард держал на коленях пятерых, а одного мы с отцом посадили между собой на передний диван, и он всю обратную дорогу пристально всматривался вперед загадочно-тупым взглядом модели. Трудно было разобрать — кто из них мальчики, а кто девочки.

— Клевая машина, — донесся откуда-то сзади из-под груды пластмассы голос Барда.

Никто из нас не подозревал, какое разнообразие эпитетов обрушится на именинницу в ближайшие сутки. До этого еще нужно было дожить. Выезд на Берлин мы запланировали на три часа ночи. Почему именно на три? А почему бы и нет? Я переживал период запоздалого перехода из детского возраста в фазу дуракавания, и мои решения часто-густо были выданы из пальца, как герои Конан Дойла. Сам придумал и потом сам мучился, как из этого выбраться, еще и окружающих мучил. Поэтому вся семья Барбары, ибо от нее мы собирались стартовать, не спала вместе с нами. С вечера мы раздавили бутылку Кирша — тогда продавалась такая тягучая сладкая зараза, содержащая 30 градусов алкоголя, и ее можно было пить без закуски, — и с тяжелыми головами провалились до полтретьего ночи. Не выспавшись, с синими кругами под глазами, мы подняли свои тела и по очереди сходили в дабл пописать. Первый раз в жизни я заснул стоя и писая. На улице было холодновато для начала лета. Наши дети сидели в машине, зияя своими испуганными стеклянными глазками, и мерзли. Поковырявшись для вида ключом в замке (замок не закрывался на ключ со времен гражданской войны), я открыл двери, и мы с Бардом позабрасывали сумки. Я достал сигарету «Житан», Бард тоже достал сигарету «Житан», и мы закурили. Я совру, если скажу, что мы закурили удовольствия ради. Просто принято было курить после того, как встал с постели. Во рту было так, будто туда сходили все коты Новоеврейска. В легких было ощущение, как будто туда забили большой дюбель, какими прибивают шифер. На балконе третьего этажа подъезда Барбары стояли два брата — Вовка и Лесик, мои давнишние дружки. Они тоже курили. Когда бы я ни выходил из подъезда — они стояли там и курили. Братья были как Смокеры из фильма

«Водный мир» с Костнером. Их нельзя было представить себе с пустым ртом. Там постоянно что-то дымило.

— Привет, — хриплым заспанным басом рявкнул я им.

— Привет, вы куда собрались? — спросил Лесик, а Вовчик в этот момент затянулся.

— В Берлин едем, — не без гордости рыкнул я.

— Классно вам, а мы рыбачить едем на Оселю, — сказал Лесик, хотя мог и не уточнять — они всегда ездили рыбачить на Оселю.

— Ну, пока, что ли? — я, типа, попрощался, и Бард залез на переднее кресло, то есть на диван.

— Па! — махнули мужики с балкона огоньками сигарет, и я провернул ключ в замке.

«Победа» молчала, как воды в бак набрала. Я провернул ключ еще раз — ничего не изменилось. Я молча вышел и со звуком сошедшего с рельсов поезда открыл капот. Внутри я ничего нового не увидел, и вообще ничего не увидел — темно было.

— Что там? — услышал я голос Лесика, а Вовчик как раз затягивался.

— Что-то не заводится, — растерянно пробормотал я.

— Может, толкнуть? — предложил Лесик, а Вовчик в этот момент прикуривал следующую сигарету.

— Та нет, не нужно, вчера ж она нормально ездил.

Я понял, что пришло время взять в руки ручку и заняться с чувихой грязным делом. Выгрузив пионеров, я достал из-под сиденья злополучный гнутый костыль, служивший для механического запуска двигателя. Свет в окнах у Барбары погас, но когда я крутанул пару раз — снова зажегся. И не только у нее. По городу разносилось лязганье металла, как будто танковая дивизия генерала Паулюса воскресла из мертвых и ехала брать Курск. Я крутил и крутил, а машина только мычала мне в ответ, как корова, которая не прочь чего-нибудь перекусить, но стоит привязанная в пустом стой-

ле. Бард покачивался в машине в такт моим движениям. Лесик докуривал третью сигарету подряд, и что-то ему подсказывало, что рыбалка сегодня накрывается. А еще он переживал, что я своей ручкой перебужу весь микрорайон и народ выйдет нас бить. Вовчик молча затыгивался и наблюдал за Бардом, который покачивался в машине. Никто не мог предположить, что за мысли роились в его голове. Стеклышки его очков расфокусировали взгляд, и он видел перед собой Берлин, район Нойкельн, улочку Флюгхафен и себя на ней. В его голове не хотел уживаться тот факт, что наша машина не заводится. Машина, которая должна была перенести нас из мира реалий в мир, где манекен покупают за 150 марок, НЕ ЗАВОДИТСЯ! Пока Бард мысленно бродил по берлинским улочкам и искал пацана, с которым любил курить дубас, Лесик уже был внизу. Вовчик докуривал наверху и тоже собирался прийти нам на помощь. Мы вытолкали «Победу» со стоянки на дорогу, Лесик стал сзади и уперся ногами, я толкал через открытую левую дверь, упершись в приборную панель. Бард сидел в машине и мечтал поскорее приехать в пункт назначения. Вдвоем нам не удавалось хорошенько разогнать наш паровоз, и мы дождались Вовчика, который стал с сигаретой в зубах рядом с Лесиком. Мы доехали до пригорка и толкнули машину вниз. Она тут же превратилась в неконтролируемый снаряд, который был способен протаранить Великую Китайскую стену. Я вскочил в кабину и крикнул: — Спасибо, Лесичек, теперь уже поедет! — Захлопнул дверь, дождался достижения максимальной скорости и воткнул третью передачу. Скорость стала заметно падать — инерцию гасили механизмы, которые она прокручивала в двигателе. Движок не завелся. Машина прокатилась еще пару метров и тихонько остановилась. Лесик и Вовчик стояли метрах в ста сзади и курили. Не сговариваясь, они двинулись в нашу сторону. На этот раз мы вытолкали тачанку на главную улицу нашего города и гордо про-

бежались с ней по всей ее длине. Если кто-то не спал в тот час, он мог на протяжении некоторого времени трижды увидеть нас в одной и той же точке — именно столько кругов мы сделали вокруг Новоеврейска. Измученные, мы рухнули на бордюр и закурили. Бард до этого из машины не выходил. Заснуть у него не получалось, но толкать он не хотел.

— Приехали вроде, — грустно сказал я в пустоту.

Лесик с Вовчиком мысленно проклинали тот момент, когда пошли курить на балкон и увидели нас. Можно было покурить на кухне и спокойно выпастись перед рыбалкой. Я собрался с мыслями, которые роились мухами надо мной, как над свежей коровьей лепешкой, и родил фразу:

— Паца, давайте еще разок вниз — до третьей школы, там такая гора, что если уже и с нее не заведется — тогда вообще гаплык.

Действительно, там была высоченная гора. И если машина съедет вниз и не заведется — мы со спокойной совестью откажемся от мысли вытолкать ее назад, потому что это в нашей ситуации просто невозможно. Мы встали, уперлись ногами в асфальт и начали ее толкать с такими лицами, как будто внизу была не третья школа, а пропасть Большого Каньона, штат Колорадо. Последние метры — и машина понеслась вниз со скоростью звука, оставляя Лесика с Вовчиком далеко позади, вместе с их зажатыми в зубах бычками.

Я воткнул третью и начал ошалело давить подряд на все кнопки-самоделки, которых на панели была просто тьма, как в вертолете. Мой дядя Славик — мастер от Бога, понаделал кучу тумблеров. Но рассказать мне, какая кнопка за что отвечает, не успел. И за несколько метров до неминуемой остановки я, похоже, набрал нужную комбинацию цифр, т. е. нажал, в конце концов, то, что нужно было нажать, и «Победа» рыкнула и начала работать. Бард поправил очки и, как ни в чем не бывало, взглянул на

часы. Было полпятого. Я развернул машину и увидел, как вдали подпрыгивают две маленькие фигурки. Это Лесик с Вовой исполняли ритуальный танец в честь победы рефлексов над интеллектом. Мы выехали наверх, и я, открыв дверь, предложил братьям подбросить их домой.

— Спасибо, Андрей, мы еще покурим по пути, — отозвался Вовчик.

Мы помахали им и поехали в сторону границы. За спиной, на востоке, начинало светать, и очки Барда будто бы светились изнутри. Даже страшно было на него смотреть. Поэтому я старался разглядеть что-то на дороге через феноменальное ветровое стекло. Когда мы проезжали покопанный переезд в селе Коты, я притормозил и переключил с первой на третью. «Победа» хрюкнула и стала поперек рельсов. Я знал, что поезда здесь ходят очень редко. Но нам, поверьте, хватило бы и одного раза. Я изучил ситуацию — заднее колесо стояло перед самым рельсом, который в этом месте из-за отсутствия асфальта торчал высоко. И поэтому попробовать перетолкнуть машину руками было равносильно попытке сдвинуть с места Останкинскую башню. Меня трудно было чем-то удивить после ночного кросса по окружной Новоеврейска, и я руками собрал в голове остатки своего логического мышления и сразу вспомнил, что нам однажды уже помогло выйти из патовой ситуации. Конечно — КНОПКА. Она была слева от руля, почти под датчиком температуры воды. Я вытянул костыль и сказал Барду:

— Виталя, я крутану, а ты нажми на кнопку, о'кей?

— О'кей, — сказал Виталя.

Привычным жестом я сунул в машину корявый железный член и крутанул. То, что ничего не произошло, меня не удивило, а скорее даже несколько улучшило расположение духа. Я привык к такой реакции машины на мои старания удовлетворить ее. Но все же решил спросить у Барда, нажимал ли он кнопку.

— Ты крутанул, а потом я нажал, ты же так говорил?

— Не, Виталия, нажми и держи, а я крутану еще раз. Хорошо?

Виталик нажал кнопку, я крутанул ручку, и машина моментально завелась. Мы открыли Большой Секрет «Победы» номер один, и теперь Берлин стал для нас немного ближе, чем час назад.

Мы подъехали к пропускному пункту на Раве-Русской где-то в начале седьмого. Там выстроилась огромная очередь из машин, направляющихся в Польшу. Но их не пускали. Просто у моего одноклассника Феде, который работал на таможне, был день рождения, и таможня не могла обслуживать недисциплинированную массу туристов. О нас знали, так как я звонил Феде, что мы будем ехать. Пограничник — явный потомок Чингисхана, войска которого долго тусовались в нашем районе, был низеньким, с кривыми — иксом — ножками, раскосыми монгольскими глазами и желтой кожей. Настоящий украинец. На маленькой голове болталась большая, не по размеру, фуражка с пластмассовым козырьком. Съезжая вперед, она ударяла его по носу. Тогда он откидывал голову назад, будто отгонял муху, которая хотела сесть ему на нос, и фуражка ненадолго возвращалась на свое законное место. Окно в моей двери не открывалось, и я распахнул ее, чтобы услышать, что он скажет. Дверь пригвоздила маленького погранца к стене его будки, он вытаращил глаза и, обтирая с «Победы» своим уже далеко несвежим мундиром всю грязь, выбрался на свободу.

— Слышь, ты, поосторожней, чуть человека не придавил, — обиженно пробурчал он.

Я же не виноват, что этот человек с собаку ростом, — сказал я уже на ходу, но он этого, к счастью, уже не услышал. Мы въехали на абсолютно пустую и уютную таможню. Лягушки квакали в озере по соседству, легкий ветерок

шевелил верхушки деревьев и носил по территории незаполненные таможенные декларации. Я не глушил машину, поскольку в мои планы не входило доставать на границе костыль. Из кустов выползла фигура таможенника в помятом прикиде. Таможенник подошел к машине. Его качнуло, и он ухватился за ручку задней двери. Дверь подалась и открылась — из нее выпало пять голых тел. Никогда в жизни таможенник не трезвел, не сидел и не какал одновременно. Он присел и, обхватив голову руками, крикнул:

— Так мертвых же детей нельзя, ребята! У нас же граница!

К моему и Барда счастью, из ближнего вагончика появилась еще одна фигура, знакомая мне до боли со школы. ФЕДЯ — наше спасение. Сколько раз протаскивал он меня через безнадежно длинные, как романы Толстого, очереди на границе. Он подошел к нам и, хватая за руку седого уже на тот момент коллегу, сказал:

— Давай талончик. — Взяв его свободной рукой, отволол друга в вагончик и через минуту вернулся с проштампованным пропуском для выезда.

— Сегодня у поляков черная бригада, — сказал он заговорщицким тоном. — Имейте в виду, могут не пропустить с вашими пассажирами.

Мы поблагодарили, сели в машину и переехали на польскую сторону. От первых слов, которые нам сказал поляк, меня бросило в пот:

— Згасишь сильник! — это означало, что я должен был заглушить двигатель. Машин больше не было, и все внимание переключилось исключительно на нас. Не заглушить — означало, что я через три минуты снова увижу Федю. Нас это не устраивало. Мы ехали в Европу.

Я вырубил мотор и вышел из машины. Поляк подозрительно покосился на Барда, который, словно седьмой манекен, сидел в машине и не шевелился.

— Доконд еджзеч?¹ — спросил поляк голосом Адольфа Гитлера, произносящего речь по радио.

— До Берлина на фестиваль, — на чистом польском ответил я. — Театр едного актора, тэн пан в окулярах ест актором, манекини — для сценографии, а я му помагам.

Поляк долго ходил вокруг машины и простукивал двери. Его не интересовали манекены, на которых Бард зарабатывал больше, чем любой наркодилер из Бучача на конопле. Он искал наркоту и был убежден, что она у нас есть. Но из дверей от постукивания по ним фонариком кроме кусков ржавчины не выпало ничего похожего на кокаин. Так он походил еще минут десять и попросил открыть капот. Когда я выполнил его просьбу, перед ним разверзлась пасть, которой позавидовал бы амазонский аллигатор. Туда могла вместиться даже лошадь, и ее бы потом долго там искали. Посветив на грязные замасленные детали, поляк успел провоняться выхлопными газами, и от его духов «Пани Ковальска» не осталось даже намека.

— Ехачь, — крикнул он и, заложив руки за спину, отошел в сторону.

Я шепнул Барду, что надо выйти из машины и подтолкнуть, так как, достав ручку на польской таможене, мы работаем себе пожизненную депортацию. Бард впервые от Новоеврейска вылез из машины, поправил очки и вместе со мной начал толкать машину в направлении выезда.

Поляк, обалдев от такой наглости, истерически закричал:

— Повьедзялэм — ехачь, а не пхачь!²

Мы с Бардом продолжали бежать и толкать машину, и мы продолжали бы делать это, даже если бы польский таможенник начал стрелять нам в спины. Но поскольку пистолет был у него разве что в штанах, мы больше переживали за того, впереди, который открывал шлагбаум. Он вытаращил глаза и спросонок не мог врубиться, как ему

поступить. На него неслась ржавая махина, и через несколько секунд она могла смести его будку. А он занял бы почетное место на капоте в виде фигурки оленя, который готовится к прыжку.

— Отверай!³ — крикнул ему я, запрыгивая на ходу в кабину и нащупывая ту кнопку, без которой наша пробежка увенчалась бы депортацией.

Поляк ошалело смотрел то на меня, то на «Победу», то на начальника, который кричал ему что-то издали. Любость к жизни победила — он поднял шлагбаум и отскочил в сторону. Мы пронеслись мимо него на скорости сорок километров в час — крыло как раз начало отбивать свой зловещий ритм. Бард никак не мог запрыгнуть в машину, он отсидел ногу, и она болталась, как часть чужого организма, привязанная к нему. Бард повис на дверце и не мог переклониться так, чтобы упасть на диван и закрыть ее. Я нажал кнопку, врубил передачу, машина дернулась, завелась, и Бард влетел в кабину, поправляя очки.

— Я фигею, — вырвалось у него.

Шел четвертый час нашего путешествия, мы вкатились в Польшу. Позади было 50, а до конечного пункта оставалось всего каких-то там 950 километров.

Если бы мне сейчас, в мои 37 с половиной лет, представилась возможность прокатиться на «Победе» до Берлина, я бы застрелил того, кто мне это предложил, а потом застрелился бы сам. Тогда — все было по-другому. Бард мирно спал, не снимая очков и не подозревая, что, если бы он был на этом месте лет через пятнадцать, я бы сбросил его простреленный труп где-нибудь в камышах Вислы, под Краковом. Я крутил баранку и не знал, что параллельно с нами в Западную Европу отправилась еще одна укомплектованная Бардом экспедиция. Из Бучача, через два часа после нашего старта, выдвинулась странная машина: «уазик», переполненный людьми и манекенами. Машина

представляла собой прототип «скорой помощи» с таким смешным круглым передком. В каждой больнице есть такие. Мест там было шесть, но в машину затолкалось восемь человек, не считая четырех взрослых манекенов. Шофера звали Олег, и ездил он на машине так, что когда сидел за рулем, то колени его были на уровне ушей, а руль внизу между ногами. Удобно продуманное место водителя постоянно держало шофера в напряжении и не давало заснуть во время движения. В машине вместе с большим количеством неизвестного мне народа ехал наш с Бардом друг Тэри, которого я забыл взять на борт нашего виапишного лайнера. Я прекрасно помню: когда мы проезжали Жешув, под горой стояла машина УАЗ с тернопольскими номерами. Куча людей копошилась возле нее и махала всем машинам, которые со свистом проносились мимо них. В Польше не принято было останавливаться возле незнакомых — бурные годы рэкета имели свои неписанные законы. Я тоже, чуть не плача, проехал мимо них и не остановился. Нечистой силе было угодно, чтобы Бард в тот момент спал, а спал он почти всю дорогу. А оказалось, что у Олега закончился бензин, и они всю ночь голосовали машинам, чтобы добыть горючего. Восемь часов вымученные и замерзшие украинцы стояли насмерть на польской дороге, подсыкая знак «КРАКОВ 200 км». И выжили. Потому что настало утро, и один из них, тот, кто был покрепче других, поднялся на пригорок и увидел огромную заправку, которая находилась по ту сторону горы в каких-то трехстах метрах от места их вынужденной стоянки. Слезы счастья хлынули из глаз украинцев, а Олег с двумя фляжками из-под воды «Моршинская» рысцой побежал набирать бензин. Мы в то время уже доехали до Кракова и остановились на паркинге, чтобы изучить причину болезни нашей ласточки. Я впервые за долгий путь от границы заглянул движок, и мы пошли пить кофе.

— Нужно выяснить, что там за херня, Бард. А то немцы нас не пустят.

— Сегодня воскресенье? — спросил Виталик, которому показалось, что он проспал в машине целую неделю.

— Воскресенье, Бард. Дай бог разобраться, что там за параша отломалась, и где-то тут ее раздобыть. Сегодня это почти нереально. Все закрыто.

— Я пойду куплю журнальчик, а ты займись машиной, — классно придумал Виталик и пошел рыться в музыкальной прессе.

Я вооружился набором ключей и полез под машину. Поляки, вообще, народ доброжелательный, но уж очень приставучий. Вокруг меня тут же собрался консилиум из четырех алкашей, которые бухали на заправке пиво «Жи-вец», и начали гундеть мне под руку:

— А цо то, курва, за ауто?

— То ест ауто? То, курва, танк!

Слово «курва» поляки употребляют настолько часто, что даже не замечают его, а в нашем языке ему соответствует запятая. Вообще же они обожают русские матюки и всячески это демонстрируют.

Я открутил аккумулятор и подсчитал свои финансы. На всю поездку у меня было 50 долларов. Странно, совсем недавно я поставил почти новенький аккумулятор, а он так подкачал. Приходилось раскошелиться. Я зашел на заправку и выбрал самое дешевое китайское говнецо под названием «Золотой Конь». Прикрутив «Коня» на его место под капот и расставшись с 30 долларами, я попробовал завести машину и сразу же понял, что тридцатку выбросил на ветер. Наша совдеповская батарея могла бы вращать Запорожскую плотину, — причина была не в ней. «Стартер!» — осенило меня. Ясно, что продавец и слышать не хотел о том, чтобы принять у меня назад «Золотого Коня». Смирившись с этим, я полез под машину откручивать стартер. Алкаши продолжали дискуссию:

— Я мувилем⁴ же то не аккумулятор, курва.

— Я теж мувилем, же не, курва.

— Ну то цо ты ми, курва?

— А цо я, курва?

Я крутил гайки и через полчаса вылез из-под машины, держа больной орган в руках. Малюсенькая кругленькая шайбочка на бендиксе лопнула — не буду объяснять, что это за фигня. И он перекосячился и не крутился. Бляхмуха! Из-за такого пустяка наша поездка оказалась под угрозой провала. Я с руками по самые плечи в солидоле вбежал в чистенький, как аптека, магазин, где Бард с видом философа листал «Только Рок».

— Виталя, я знаю причину! — радостно крикнул я. — Надо раздобыть такую фигняшку, но где мы ее найдем в воскресенье вечером?

Продавец в идеально чистом комбинезоне недовольно посмотрел на меня и предложил:

— Може, пан ше умые?

Мы выехали со смешанными чувствами. С одной стороны, я знал причину, а с другой стороны, какой от этого был прок? До Вроцлава мы раз двадцать останавливались возле частных автомагазинов, и нам отвечали одно и то же: сегодня закрыто. Скорость нашего движения была настолько умеренной, что, проезжая по польским селам, я успевал рассмотреть мебель в домах, лица всех жителей, познакомиться с генеалогическим деревом польских семей благодаря фотографиям, висящим на стенах жилищ. Всю дорогу по Польше нам кричали вслед:

— «Варшава», «Варшава», — недалекие поляки не знали, что их машина «Варшава» была нагло содрана с нашей «Победы», так же как «мини-купер», «порше» и еще много знаменитых образчиков высококачественного автомобилестроения. Я на автомате свернул на паркинг частного отеля, не согласовывая свое решение с Бардом. На рецепшине сказа-

ли, что номер на двоих стоит 25 уёв, ровно столько у нас на двоих и было. Силы покидали наши тела, и мы решили залезть в душ, а потом напиться — утро вечера мудреней. Как всегда после бутылки на брата встать с утра — не самое легкое дело. Моя голова приобрела квадратную форму и никак не хотела возвращаться в свое первоначальное состояние. Бард заснул в очках и теперь, сняв их, был похож на большого гайморитом, который обжег нос компрессом из хрена. Мы спустились вниз, в ресторанчик, и просто смели с лица земли большую часть шведского стола. Затем поднялись наверх, собрали сумки и с изумлением обнаружили, что номер выйдет, как после оргии, в которой принимала участие дюжина человек — а ведь мы провели здесь всего одну ночь. Снова спустились вниз и сгребли в сумки вторую половину шведского стола. Опешивший официант пожелал нам веселого путешествия. Его слова оказались пророческими. Весело стало, как только мы вышли на улицу. Было холодно, градусов десять. Туман окутал мир вокруг нас, и мы смотрелись в нем, как замоченное в порошке ОМО белье. Бард стоял в сторонке и курил, а я видел только, как в белой сгустившейся массе поблескивали стеклышки его очков. Мы подошли к нашему дому на колесах, который на фоне продвинутых, новых и модных машин выглядел, как ракета космонавта Комарова, затерявшаяся в космосе лет сорок назад и неожиданно упавшая на паркинг отеля «У Штефана». Окна ее зловеще запотели, и я понял, что аэробика с ручкой мне обеспечена. Я аккуратно достал ее из багажника, вставил в решетку и крутанул. Вместо привычного звука прокручивания двигателя послышался какой-то хруст. По-моему, в темноте я вставил ручку не совсем туда, куда было нужно, и ненароком перемолотил какую-то животинку, которая устроилась на ночлег на теплом двигателе. Поковырявшись еще разок в нужном на-

правлении, я нашел половое отверстие моей железной любовницы и вошел в нее со всей силы. Она издала стон, какой может издать женщина, которую разбудил мужчина в семь часов утра только из-за своей внезапной эрекции, и быстро, по-сухому, начал шуровать ее неподготовленную мышку. Поляки не привыкли к тому, что по двору тихонького частного отельчика ездит товарный поезд в семь утра. Они вылезали на балконы и кричали:

— Ты, курва, руски! Я зараз выйде и чи покаже. Чихо⁵, курва!

На что я в обязательном порядке давал им такой ответ:

— Ах вы пшеки засранные! Когда вы вывозили от нас в своих вонючих польских анальных отверстиях золото и бриллианты, мы же молчали. А сейчас я вам мешаю?

Такая дискуссия в атмосфере братства и взаимопонимания продолжалась каких-то десять минут, пока Бард в конце концов не докурил утренний «Житан» и, наморщив лоб, не выдал фразу, которая заставила поляков сдаться:

— Шп'ертдаляй! — крикнул он в молочную темноту, туда, где должен был находиться отель с психованными постояльцами. Наступила мертвая тишина. В одном слове Бард допустил четыре ошибки, и я по сей день не могу понять — какая магическая сила, присутствующая в этом слове, заставила заткнуться целый вагон рассвирепевших панов. Я отдал машине большую часть своей тепловой энергии, и она, не избалованная сексом в сожителстве с партийным функционером, кончила минут через пятнадцать, т. е. завелась. С ласкающим слух рокотом груды бессмысленного ржавого мусора отбыла с нами на борту по направлению к Вроцлаву.

Мы нашли автомагазин, где продавались детали для тракторов. Продавец сообщил, что деталь, способная нас осчастливить, стоит пять злотых, на что я, заливая его прилавок слезами восторга, ответил «Дзженькуе упшейме» и

тряс ему руку до тех пор, пока его не свела судорога. Отремонтировав стартер, я сидел возле машины в компании Барда, который курил, пил пепси и читал «Тылько Рок». Одна-единственная мысль пульсировала у меня в голове — как можно попасть в Берлин, имея в наличии пустой бак, десять злотых и Барда, которому все было по барабану? И пока я, выступая в роли патанатома, копался в собственном мозгу, выискивая под грудой старогохлама решение этой проблемы, мимо нас на большой скорости пронесся и затормозил огромный стосороковой «мерсюк» с немецкими номерами. Из него вышли двое — отец-пшек и сын-немец (и такая фигня, оказывается, бывает в мире). Отец в агонии упал перед «Победой» на колени и запричитал:

— Моя маленька курвэчко! Цура кохана⁶.

Мы с Бардом и с сынком-немцем удивленно смотрели на конвульсии пожилого поляка и ждали дальнейшего развития событий.

— Я мьявем таки самохуд в 63 року. Чи моге зробичь собье з ним здьенче⁷?

Я, конечно, был не против, чтобы он щелкнулся с тачкой, но он спросил, можно ли это сделать вместе со мной, и помахал в воздухе какой-то банкнотой. Мы с Бардом, как собачки, у которых повели перед носом куском вареной колбасы, мгновенно вскочили на ноги в полной фототрафической готовности.

Я обнял поляка и, рискуя навсегда и бесповоротно испачкать его белоснежный костюм, держал свои вымазанные солидом руки у него над плечами. Бард щелкнул меня с семьей, поляк всунул мне в карман рубашки три десятимарочные купюры, и тут Бард пискнул:

— Может, еще одно фото?

Поляк заржал и сказал, что не сегодня. Они вскочили в свой «мерсюк» и исчезли из нашей жизни так же быстро, как и появились.

Мы были спасены. С нашими деньгами — за тридцать дойч-курва-марок — можно было доехать даже до Лиссабона, не то что в какой-то там Берлин, до которого оставалось всего 300 км. Мы купили себе величайший деликатес того времени — пачку «Чио чипе» и, помыв мои руки в луже возле автомагазина, рванули в сторону немецкой границы. За шесть часов мы бодро преодолели двести километров, поели в дороге фриток (картофель фри по-нашему), от которых только благодаря нашему молодечкому запалу и качественной соляной кислоте в желудке наши желудочно-кишечные тракты не выпыпадали через определенное отверстие. Зарулив на заправку, за которой уже виднелась таможня, я подъехал к колонке и наивно начал искать низкооктановый бензин, на котором привыкла ездить корявая советская машина. Надписи, которую я высматривал, не было ни на одной из колонок. Самым дешевым оказался 95-й с перечеркнутым значком Рб. Я, боясь показаться тупым, не стал выяснять значения написанного, воткнул пистолет в бак и залил бензика ровно на 10 бундесовских рублей. Нам хватало еще на две банки пива и пачку «Житана». Как-то очень странно всматривался в мои глаза заправщик, которому я платил за горючее. Наверное, он что-то знает. «Скотина!» — подумал я и запрыгнул на диван из свиноматки. Машина завелась, как никогда до этого в своей жизни. Двигатель зашуршал, будто нежная осенняя листва, которой подтираешь задницу в лесу в трудную минуту необъяснимого отсутствия на ближайшем дереве рулона туалетной бумаги «Клинекс». Уши не верили акустическим данным, которые поступали из-под капота, и казалось, голова идет кругом, да так, что блевануть можно. Блевануть мы не успели, а шансы сделать это уже выросли вдвое. «Победа» неожиданно начала скакать, как мустанг, которому апачи попали стрелой в задницу, а после этого старались привязать

за ногу к сосне. До ворот таможи оставалось каких-то двести метров, а наша машина на виду у всей округи прыгала так, будто хотела побить все рекорды Бубки с одной попытки. Болтаясь в такт с кабиной, я то нажимал, то отпускал педаль газа, чем только увеличивал амплитуду и резкость скачков. Бард неистово бился головой о переднее стекло и остался жив только благодаря тому, что он из Бучача. Когда чело моего друга стало напоминать болышую эмалированную кастрюлю, в которой готовят голубцы, мне удалось вырубить двигатель, и мы нежно вкатились на территорию фашиков. В их непосредственные обязанности входило обшмонать нас с головы до ног, найти хотя бы одну поломку в машине и благополучно отправить в Украину. Я вкатился между немцами в сектор, специально отведенный для «НАШИХ», где нужно было ставить машину и мылить вазелином «шоколадку». К нам подошел, по-видимому, фан Брюса Уиллиса, так как он явно хотел быть на него похожим, но над интеллектуальным выражением его табла маме с папой надо было бы поработать побольше. Он тряхнул своей плешивой головой и рявкнул что-то типа:

— Документен ун машинен.

— Я-а, я-а, — ответил я и протянул ему техпаспорт, заполненный в МРЭО цецей Лесей от руки и по-украински.

— Вас ист дас? — спросился он меня, и если бы знал наше слово «б...ь», то закончил бы фразу тем, чем закончил бы ее и я на его месте.

— Дас ист ауто, бля, — вырвалось у меня.

— Наин, вас ист дас? — переспросил Брюс Уиллис и ткнул пальцем в мой талон.

А-а, дас ист техпаспорт, — не знаю, так ли это называется у них, но других вариантов у меня не было. Немец долго что-то рявкал своему коллеге, вроде нормальному

мужику, но с головой карлика. Тот крутил явно маленьким для него скворечником и махал в направлении Львова:

— Цурюк, цурюк, — эти слова были обращены к нам. Я с детства ненавидел слова, которые заканчиваются на «урюк», и поэтому начал подозревать, что в нашем плане взятия Берлина возникают форс-мажорные обстоятельства. Мимо проезжали шикарные, сияющие новенькие машины, из окон которых нас обалдело разглядывали испуганные арийцы. У них было такое выражение лиц, будто бы они увидели живого Дон Кихота собственной персоной, который на своем Россинанте в одиночку атакует японскую морскую эскадру. Я же смотрел на того, с маленькой головой, мечтая эту голову дистанционно запрограммировать таким образом, чтобы нас скорее пропустили. Наш полицейский вернулся и, протягивая мне документ, сказал:

— Битте. Ауф.

— На здоровье, — ответил я, но Бард ткнул меня локтем в бок:

— Кент хочет, чтобы мы вышли.

Мы выбрались из тачки, немец залез на мое место, поморщив нос от стойкого тяжелого запаха нашего пребывания в этой машине в течение последних двух суток, а также от запаха пребывания других ее владельцев за последние сорок лет. Он повернул голову назад и с интересом стал рассматривать манекены. Выражение его лица сейчас походило на выражение лица подростка, который впервые увидел голую бабу, и та была не прочь просветить его, что со всем этим можно делать.

— Ну и придурки, — подытожил я свои наблюдения. На них эти манекены действуют, как на котов валерьянка. Вот Бард тему придумал.

Барда, меж тем, не радовала заинтересованность полицейского «детिशками». В его планы не входило дарить кому-то 150 марок только за то, чтобы нас пропустили без

досмотра. Он бросит меня здесь, пешком пойдет в Берлин, и понесет всех детишек на горбу, и все это только для того, чтобы ощутить в руках ШТУКУ настоящей валюты. Так думал Бард, но немец был таможенником не из Равы-Русской, а из Коттбуса, и он не знал, что можно брать с людей деньги, а также принимать от них взятки товаром. Он вылез и сказал мне:

— Битте поворотен морген, — ну, типа, поворотами помигай.

— Ясен хрен, — ответил я и подергал переключателем поворотов. Поскольку реле сгорело во времена, когда Стаханов бил собственные рекорды в шахтах Донбасса, мне пришлось дергать поочередно вниз-назад, вниз-назад, а потом вверх-назад, вверх-назад, чтобы создать немцу иллюзию мигания лампочек, которые без этой процедуры просто светили, как лампочка Ильича, в хате счастливых крестьян с его портретом в руках.

Я-а, гут. Битте, ручник арбайтен, — тем временем попросил немец проверить, лабает ли ручной тормоз. Я хотел указать на Барда и сказать, что со мной еще и запасной ручник едет, но, подавив в себе злость, потянулся к рычагу ручного тормоза. Он был похож на огромный стоп-кран в поезде. Ручка ядовитого красного цвета — когда была затянута, перекрывала вход в салон, а когда отпущена — за нее обязательно цеплялась левая штанина. У всех нормальных автомобилей ручник расположен между передними креслами, но поскольку у «Победы» был диван, тормоз разместили так, чтобы он постоянно напоминал о своем существовании. Мой ангел-хранитель не дал открутить эту фигню неделю назад, за что слава ему и Господу Богу. Я затянул ручник, который также последний раз работал разве что на испытаниях этой тачилы в конструкторском бюро накануне подписания пакта Молотова—Риббентропа. Параллельно я был вынужден незаметно врубить на руле первую передачу, на

случай, если бы немцу взбрело в его немецкую башку попробовать сдвинуть машину с места. К тому времени вокруг нас было уже намного больше людей, чем поначалу. Все с интересом рассматривали нашего динозавра, багажник которого подпирался черенком от лопаты, так как фиксатор не работал. Кто-то из немцев протянул руку к этому нехитрому приспособлению, но Бард очень своевременным жестом пресек это действие, показав, что если крышка упадет и захлопнется вместе с граблей любопытного, на месте его конечности в лучшем случае останется культя по локоть, а в худшем — по плечо. Короче, немцы взяли нас в кольцо. В моих генах бурлила партизанская кровь моего деда, и мой мозг был готов отреагировать на любые примитивные ловушки, которые готовила нам немчура. Кто-то из них все-таки пнул нашу ласточку ногой в бампер, надеясь проверить силу ручника, и тут же прямохонько на его вылизанные, как собачьи яйца, лакированные туфли, типа лодочки, в которых ходят немцы-погранцы, упало килограммов десять грязи, смешанной с автомобильным маслом и солидолом. Немец с ужасом посмотрел на свои белые носки, которые утонули в грудe черно-серой массы. Если бы вокруг были украинские таможенники, все бы радостно поржали над своим коллегой и завернули бы нас домой. Так, заодно, по приколу. Но это были немцы, они только покачали головами и помогли хозяину погибших носков спрятаться в недрах таможни. Лысый Брюс, удовлетворенный испытанием ручника, предложил проверить стоп-сигналы. И тут лоб мой снова покрылся испариной, и не только лоб. У меня было такое впечатление, будто из чайника, который всю ночь простоял на холодном зимнем подоконнике, кто-то тоненькой струйкою лил мне ледяную воду на мох, который растет на месте перехода спины в задницу. Со мха водичка стекала ниже, в каньон, который разделяет две половинки, и как в мочалке накапливалась на всем хозяйстве, которое обрамля-

ет снизу этот скрытый в трусах ансамбль. Дело в том, что моя «Победа», а также все ее сестры имели всего один стоп-сигнал посредине крышки багажника. Я нажал на тормоза правой ногой, при этом левая, подергиваясь, выдавала врагам всю мою психологическую неуравновешенность. Как глаз циклопа — медленно загорелась едва заметным тусклым грязно-красным светом одна-единственная искорка. Немцы же смотрели на боковые фонари. В принципе, они поступали логично. Я набрал воздуха и сказал:

— Дас ист антикваришен ауто. Зис ис эназер модел ту лайт ин Юроп, — я выпалил фразу почти на эсперанто, и мне очень хотелось, чтобы они поняли ее дословно так: «Это старая машина, но для езды по Европе предусмотренная такая конфигурация света», — и включил подфарники. Как два глаза циклопа, едва-едва заалели две лампочки, которые собирались умереть еще во времена Освободительного Движения 39 года и до сих пор хранили в памяти номер мобильного Степана Бандеры. Я снял ногу с тормозов и выключил подфарники. Циклоп закрыл глаза. Я проделал это пару раз, чтобы, как старина Павлов у своих собак, выработать у немцев условный рефлекс. В эту трудную для меня и всей Украины минуту унижения нашего славянского достоинства Бард, который вез на пробу немецким корешам крымскую коноплю, подошел к пограничному псу-пудельку, обученному искать наркоту. Он стал совать ему под нос кулак с зажатой в нем скрученной папироской. Виталья был готов при малейшей реакции собаки на ганджу выбросить папироску в мусор, но пес вилял обрубком хвоста и через открытые сандалии львовской фабрики «Прогресс» лизал Бардовы ногти на его ногах. Бард понял, что пес ищет серьезные минералы и он со своим пластилином в полной безопасности.

Немцы, кажется, поверили. В душе я был готов сделать Лысому менуэт, или как оно там называется, лишь бы он

наконец отцепился (но это только в душе, никому об этом не рассказывайте). И он отцепился. Толпа погранцов, собравшаяся возле нашей машины, оставила границу без присмотра на добрых полчаса, и, возможно, за это время поляки перебросили в Бундес две-три фуры, груженные китайцами-нелегалами. Немцы оставили нас в покое, отошли на пару шагов назад, наблюдая, как эта груда хлама будет трогаться с места без помощи коня или трактора-буксира. Я крутанул стартер, машина выпустила огромное облако голубого дыма, которое окутало всю таможеню. Видимость стала нулевой. Старичок на сером «фольксе» с дрезденскими номерами с разгона взял на таран белую «шкоду». Три наркодилера, благодаря Бога за такую оказию, перешли границу, держа на вытянутых руках поднос с кокаиновыми дорожками. А «Победа», которую я после нашего с ней секса считал живой чувихой, видимо, пердела или скорее рыгала. Это была нормальная реакция машины, привыкшей к ослиной моче, на предложение поехать на евробензине. Я с перепугу ткнул наугад ручку передач, и мой мустанг в два гигантских прыжка преодолел расстояние до начала автобана с надписью: «Вилькоммен Бранденбург», что по нашему означало — «Добрый вечер, девчонки! Мы приехали!»

Когда облако на таможне рассеялось и из Министерства чрезвычайных дел были вызваны три вертолета, чтобы разгрести последствия катастрофы, мы уже удивлялись автоматическим дверям в туалете на первой после границы заправке. Ты подходишь — и они открываются. Фантастика! Человеческая изобретательность никогда не переставала меня удивлять. И действительно — как может открыть дверь человек, который, зажимая свои сфинктеры двумя руками, чтобы не уписаться, из последних сил бежит от машины к месту, где сбываются мечты. Про зажатые сфинктеры — это я, конечно же, исключительно о мужиках. Когда закончился напряг, дико захотелось спать. Близился вечер, моросил

противный немецкий дождь. Автобан неожиданно сузился до одной полосы, и мы проехали знак «40». Я притормозил до появления близкого, как конец света, звука, который издавало дрожащее крыло, и ехал минут двадцать со скоростью, которую требовал строгий немецкий знак. У нас с Бардом не было желания башлять триста марок за превышение скорости, поэтому я соблюдал все знаки четко, и даже слишком. Когда автобан снова расширился до своих обычных размеров, я заметил огромный хвост машин, который собрался за нами за это время. И действительно — обогнать наш экипаж было невозможно, на мигание фарами сзади мы не реагировали, поскольку, при отсутствии зеркал в машине, просто не было видно, мигает кто-то или нет. В Германии нет ограничения скорости на автобанах, и если на участке, где проводят ремонт, висит знак «40», то все аккуратно едут «соточку» и не переживают, что их будет подкарауливать полиция, так как полиция верит немецкому народу на слово и стоять там не будет. И тем более нереально найти придурка, ползущего со скоростью черепахи речной обыкновенной по дороге, которая ровнее лубой украинской в триста раз. Никогда в жизни я не видел столько «факов» в свой адрес, как тогда, — из всех четырехсот тысяч машин, которые нас обгоняли. Они потеряли из-за «руси швайнов» драгоценные двадцать минут своего гребаного времени и тыкали в мою сторону свои кукиши. Последним ехал огромный TIR. Обогнав меня, он включил на задней стенке своего прицепа фару, которая была способна найти на ночном небе планету Меркурий вместе с его спутниками. Мой дикий оскал, вызванный лучом детища инженера Гарина, до сих пор бороздит пространство космоса на конце этого луча. Луч, вылетев из фары, прошел сквозь меня и полетел в сторону туманности Андромеды. Он сбивает с курса межпланетные караваны в далеких Кассиопеях выражением лица, на котором отразилась

вся нелегкая судьба землян. Мое выражение лица вобрало в себя все тяготы земных войн, инквизиции и плач динозавров во время ледникового периода. Я нес послание с Земли к новым цивилизациям, а ведь, казалось бы, всего лишь фура мигнула. Я остановился на обочине, потому что нести послание не так-то просто. Из глаз будто летели раскаленные кусочки металла, и если бы меня в тот момент перенесли в Женевскую клинику паранормальных явлений, мне бы вручили Нобелевскую премию в области медицины. Мне казалось, я могу родить. Фура кроме света наградила нас еще и паровозным гудком, который заставил Барда убежать в кусты и долго там бороться с желанием выкакать печень. Через часок я пришел в себя, а Бард вернулся из своей вылазки. Мы чудом разминулись с полицейской машиной, которую вызвали для нас добряки-немцы, за то, что мы стояли в неразрешенном месте. Но полицеев от нас ограждал бетонный забор между полосами автострады, и им предстояла долгая дорога к развороту в нашу сторону. Первый раз за время поездки я кайфанул от того, что находился в Европе.

Берлин встретил нас мелким дождиком и аварией на перекрестке Потсдамер и еще какой-то штрассе. Два чувака стояли возле своих расфигаченных малолитражек и любовно смотрели друг на друга в ожидании представителя страховой конторы, который должен приехать и отдать им бабки за то, что они заснули за рулем. Друг Барда Томас жил в Нойкельне — районе, который кишел турками, арабами, лавашами, чайханами и другими с ними связанными «хернями». Его отец был крутым перцем в Дюссельдорфе. Ни одна газета не выходила в этом городе без его визы. Томас был полной противоположностью своего отца. Он целыми днями читал Маркса, бухал пиво и ковырял пальцем в большой, как холодильник «Бош», жопе. Ростом два метра

30 сантиметров и весом под двести кил, этот человек обладал ангельским голосом, и лающая немецкая речь из его уст звучала, как пение Плачидо Доминго. Его семейные труснюки были такого размера, что в каждую их штанину можно было пропустить ветку нефтепровода Одесса — Броды. Когда он стоял посреди коридора и говорил по телефону, мешая всем сорока гражданам Украины, которые заполняли его квартиру 360 дней в году, воспользоваться туалетом, они бегали у него между ногами, даже не наклоняя головы. Украинцы были неотъемлемой частью квартиры Томаса. Он иногда выходил из дому — украинцы же находились тут постоянно. Все они, и я в том числе, как тараканы, лазили по всем нычкам и пожирали все то, что Томас запасал для себя. Он свято верил в свое предназначение — давать украинцам крышу над головой в далекой чужой стране. Он находил придурков, которые покупали Бардовых манекенов, методично выносил горы мусора после нашей, такой ненужной для Матери-Европы жизнедеятельности, давал нам займы деньги и просто наблюдал за нами, как инопланетяне наблюдают за примитивными землянами.

Паркинг в Берлине — дело довольно геморройное. Можно приехать и сразу воткнуться на свободное место возле своего подъезда, а можно часами кружить по кварталу, в конце концов оставить машину за два-три километра от дома и чесать оттуда пешком с горькими мыслями о том, как турецкие говнюки будут ночью ее раскурочивать. Нам повезло — жирный старый немец как раз собирался отвезти свою толстую жопу на работу в Шпандау — тридцать км от дома. Ехать, с учетом пробок, было долго, поэтому предусмотрительный гоблин стартовал, когда весь квартал досматривал последнюю порцию своих скучных буржуазных снов, да еще и на немецком языке. Фу. Я вылез из машины, как ветеран японской войны, которого выписали из госпиталя после пересадки опорно-двигательного аппарата.

У меня болела спина, ноги гудели и тряслись, кажется, из-за этого я даже попукивал, но был ветер, и Бард ничего не замечал. Мы взяли с собою сумки и поднялись по слишком крутым для такого инвалида, как я, ступенькам подъезда Томаса. Третий этаж, дверь налево, звонок и — пауза. Все, как и должно было быть. Томасу всегда нужно было время, чтобы раздуплиться. Мы знали это и терпеливо ожидали под дверью. Всего каких-то 15 минут — и в коридоре слышались звуки, будто кто-то волочит два мешка с картошкой. Это Томас шаркал по полу ногами в шлепанцах 56 размера. С тем же успехом он мог ходить по квартире на лыжах и не почувствовал бы разницы. С невыразимым восторгом он улыбнулся, широко открыв рот, в который без проблем мог залететь Ан-24, развел руки для объятий, поднял нас с Бардом вместе со всем нашим добром, которое мы держали в руках, поболтал нами в воздухе, так что мы вытерли головами потолок, и поставил нас на место.

— ЧЮС! — произнес он миленькое словцо, которое немцы используют и в качестве приветствия, и когда сваливают.

— Чюс, Томас. Хав ар ю? — поздоровались мы, типа, по-английски.

Я-а, гут. Кам инсайд, — пригласил он нас в свое логово. Книжный шкаф, размером с товарный вагон, лежал на боку, перевернутый непонятно зачем, и торчал вверх большим ромбом. Матрас, на котором можно было разместить пехотную дивизию, занимал добрую половину комнаты; белье, натянутое на него еще Кларой Цеткин, ни разу не снималось и не стиралось. По крайней мере, я такого не помню. А помню я много чего, в чем вы можете убедиться, читая этот опус. Мы зашли в «свою» комнату напротив, которая пока что была почти пустой — только три тела валялись в разных углах и нещадно храпели. Я так устал, что мог заснуть в реактивном двигателе самолета МиГ-21,

и рухнул где-то между храпящими телами, положив под голову свою сумку. Бард, судя по всему, пошел в крайнюю комнатуньку, самую маленькую и поэтому наименее пригодную для расселения монголо-татарского ига. Ему было можно, так как это была его ТЕМА — привезти нас сюда.

Настало утро, хотя, конечно, могло бы и повременить. Те трое, что валялись в одной со мной комнате, теперь рыскали в поисках своих вещей и мозгов, разбросанных по дому. Они усугубили бардак, который царил тут до их подъема, и погнали на кухню, где Томас из чашки размером с ведро пил кофе. Кухня была малюсенькая, и кроме Томаса там мог находиться максимум один человек, но они умудрились впихнуться туда втроем и еще при этом рылись в холодильнике. Слава богу — там уже было пусто, так как Томас проснулся раньше и соорудил себе два бутерброда размером с буханку, разрезанную пополам. На одну половину буханки он намазывал из пол-литровой банки «Нутеллу», а на другую клал нарезанную кольцами палку вюрстенбургской колбасы, прижимал половинки друг к другу и запихивал все это себе в рот. Запивая это ведром кофе, он издавал звук прорванной плотины на речке Одер. Трое, которые втиснулись в кухню, чавкали и причмокивали, поедая то, что Томас собирался взять с собой на работу. Из их ртов выпадали всякие разнообразные кусочки, прилипали к одежде, бороде и волосам. Томас с радостью наблюдал, как со свистом исчез его тормозок, потом сказал:

— Я-а, я-а. Вундеба,⁸ — встал с табурета, чудом не проломив головой дверную арку, и мягко вышел из кухни, в которую тут же вбежал Бард.

Ну, что хаванем, Кузмич? — Я стоял в коридоре, не имея каких-то определенных планов, и мысленно поблагодарил Барда за то, что он задал мне направление движения. Одного из трех термитов, которые шарили в кухне, я уже знал по предыдущим поездкам — Коля из Бишкека. Он был

хитрожопым, но очень положительным персонажем: днем ходил работать на стройку, а вечером брал гитару и лазил по пабам и клубам, горлая песни Брайана Адамса в надежде, что кто-то бросит ему в шапку пару марчел. Двое других были с его работы, им негде было ночевать, и они попросились перекантоваться тут пару дней.

— Здравов, Никалай, — язвительно прошипел Бард, — как живешь?

— На-армальная, — с маасковским прононсом ответил прямолинейный Ник.

— Слышь, сѣдня народа дахера приедет, нада пацанов тваих сплавить — и куда нить падальше. А, Калян?

— Че эта, Бард? Че, мы все штоль не поместимся?

— И вабще, хватит Томаса хавку жрать, понял? Сваю-та хоть раз принес? — Бард бросил поверх очков взгляд на Ника и на его кентов. Кенты жевали уже помедленнее, а из открытых ртов начала стекать слюна, которая свисала, как шнурки от кедов. Коля растерянно смотрел по сторонам. Он знал, что Бард — любимчик Томаса, и ссориться с ним не хотел. Проще было сплавить пацанов. Мысленно утопив Барда в кружке кофе, который тот допивал за Томасом, Коля из Бишкека в сопровождении двух братьев протиснулся мимо меня — и исчез за входной дверью. От них осталось только эхо стучащих вниз по ступенькам копыт. Бард явно был в ударе. Он попал в свою стихию — в Берлин. Начинаясь месяц Большого Кайфа. Виталя развалился в кресле, открыл холодильник, вынул банку «Адельскронен бир», пива, которое в «Пенни маркте» — магазинчике за углом, стоило дешевле других пив, всего — 49 пфенигов. Он хлебнул холодного янтара, вкусно отрыгнул бучанскими варениками, которые нам упаковали в дорогу, и произнес:

— Я дома!

А я пойду объяву напишу на «Победу» — пусть звонят, — сказал я и пошел искать бумажку. Мои познания в

немецком языке были на уровне. Если точнее — то на уровне нуля. Но объявление о продаже машины на немецком языке — это вещь, которая каждому украинцу передается с генами, и я нацарапал послание к арийцам следующего содержания: «Продается!!! Уникальный тачилбан, в котором еще сохранились отпечатки жопы самого Иосифа Виссарионовича Сталина, пробег всего-навсего три миллиона миль за какие-то там сто сорок лет жизни. Сменил триста хозяев и приехал, чтобы быть забетонированным на ступенях Рейхстага. Цена — всего сто тысяч марок». Мне хотелось, чтобы немцы увидели в моей короткой и очень лаконичной записке примерно такой смысл. Но дойчи — народ конкретный. Как читаем — так и понимаем!

— **Zu verkauf/Pabieda/baujahr 1953. tel. 08934476. Thomas. Andry.** — Собственно, так выглядел клочок бумаги, который я прилепил к лобовухе, и, в надежде, что уже вечером буду колесить в глазастом «мерсе» с чемоданом капусты, вырученной от продажи моего плацкартного вагона, я потрусил в «Пенни маркт» купить картофеллен салат, который входил так же легко в организм человека с Востока, не подготовленного к немецким пищевым приколам, как и выходил из него.

Я сидел на кухне и пожирал вареную картоху, плавающую в майонезе. Все это носило гордое название «Картофеллен салат». В животе сразу же после первой ложки начинало ужасно крутить, и ты был готов вывести на орбиту весь дом, в котором находился. По этой причине в туалет было страшно заходить, чтобы не развалить давлением вылетающей картошки унитаз и все сопутствующие конструкции. В дверь позвонили именно в тот момент, когда дилемма — бежать уже сейчас или бежать потом — разрывала и без того порванное сознание, а заодно и кишечник. Звонок мобилизовал сверхъестественные силы моего организма, все реактивное топливо всосалось назад в ракетные шахты,

и я снова мог какой-то промежуток времени чувствовать себя нормальным человеком. Открыв дверь, я увидел такую картину: казалось, что часть наполеоновских войск заблудилась во времени и пространстве, вследствие чего забрела из Подмосковья 1812 года в 1992 на Флюгхаффенштрассе. Это были пассажиры «уазика», члены второй бучанской экспедиции, отправленной Бардом на верную погибель. Во главе банды стоял водила Олежек, который осилил неподъемную ношу — доехал до Берлина на санитарной машине с единственной целью — найти и аккуратно вывезти с территории Германии автомобильную свалку.

— Ты не знаешь, где здесь СВАЛКА? — спросил он меня, вваливаясь в дом.

Не-а, — ответил я и стал по очереди здороваться со всеми пассажирами. Первыми из делегации во владения Томаса вошли представители украинского шоу-бизнеса, который тогда имел честь зарождаться на благодатных полях берлинского клуббинга: Анжелика — певица из Ужгорода, я бы назвал ее украинской Бьорк и Тори Амос в одном лице, ее подруга Евка — полька, которая жила почему-то во Льве и вела себя так, будто хотела секса с каждым встречным, правда, никому до сих пор не дала (пассия Барда). Тери — мой и Виталика коллега, который работал в первом в Украине шоу-бизнесовом агентстве и вместе со своими сотрудниками целыми днями играл на единственном в то время во всем Львове компьютере. За ними в коридор вошли еще человек пять-шесть, о которых проще сказать — «и другие официальные лица». Их судьба в нашей книге настолько несущественна, что легче о них не упоминать вовсе, чем морочить вам и себе голову. Все, к радости Томаса, который должен был скоро вернуться с работы, поразбросали свои тела по всей квартире и начали к моему неопишуемому ужасу занимать туалетную комнату хаотически и критически надолго. Анжелика ходила по

дому и своим оперным вокалом постоянно подчеркивала безумность атмосферы нашего украинского гетто. Она напевала себе под нос всякие арии из своих произведений, которые сама писала нон-стоп, но при этом ее было слышно даже в Трептов-парке у могилы Неизвестного солдата. Евка ходила и трясла своим длинным, почти до колен, хайером, на котором, как на перфокарте старого компьютера, отложилась вся история их путешествия в «узики». Голову надо было срочно где-то помыть, чтобы Евуню вдруг не сдали в зоопарк, как давно исчезнувшую Русалку Днестровую. Поскольку у Томаса ванная комната отсутствовала, Бард периодически организовывал вылазки в баню за пару кварталов, и все дружно бегали туда полоскать части своего тела. У Анжелики тоже был длинный хайер, и он своим видом и запахом не менее ярко, чем голова Евки, отображал хронологию нелегкого путешествия! Олежек сразу почувствовал себя в своей тарелке. Не найдя ответа на риторический вопрос: «А где же здесь свалка?» — он покопался в Томасовом шкафу с книжками, отрыл там атлас Берлина и рысцой выбежал из дому.

— Нас пригласили на пати, — сообщил Бард, вернувшись с хорошим пивком в руках, что указывало на качественно проведенную операцию по сбыту манекенов. — По-йдем часиков в восемь, — сказал он и, поморщив нос при виде девушек, мгновенно потащил их в баньку. В квартире, даже после того, как они ушли, осталось столько народа, что складывалось впечатление, что ты находишься в штабе террористической организации. Зазвонил телефон, и я поднял трубку. Там что-то очень быстро сказали по-немецки, но слово, которое я желал услышать больше всего, прозвучало четко — «Ауто».

— Сори, ниht шпрехен дойч. Кен ю испек инглиш?⁹ — постарался я уладить назревающий международный конфликт.

— Наин, их шпрехе инглиш нихт,¹⁰ — слышалось из трубы. И я предложил голосу приехать по нашему адресу:

— Кен ю ком хиер зибен ур, флюгхаффен штрассе зеке ахт, — что должно было означать: приезжайте, пожалуйста, в семь часов к дому номер 68. В телефоне закрипело, и пошли гудки. Я махнул рукой, проклиная себя за то, что в учебнике немецкого языка за два года прошел только четыре страницы, и пошел доедать картоффелен салат.

Народ готовился к пати — каждый по-своему: Анжелика выводила какие-то душераздирающие рулады, которые плодились в ее голове, как мухи из опарышей, Евка продолжала трясти своими уже чистыми, но еще мокрыми волосами. Бард и Тери пили пивасик на кухне, предвкушая будущее вечернее приключение. А я гипнотизировал взглядом телефонный аппарат, пытаюсь заставить его позвонить и голосом Рокфеллера спросить, не продает ли кто «Победу» тысяч за двести марок. Время медленно подкатилось к Зибен Ур, и, как и положено, нам в дверь позвонили снова. Кто-то бросился открывать, и я, опасаясь, чтобы не отшили моих клиентов, ринулся к выходу. В дверях стояли Томас, рыжий кривоногий старый немец, и его жена — фрау с явно не немецким фейсом.

— Хи из интересед эбаут йо кар,¹¹ — голосом ангела из клипа «Юритмикс» сказал мне Томас.

Хай, — сказал я и поздоровался с четой, которая выглядела как на кастинге в «Семейку Адамсов». Мы вышли на улицу — «Победка» стояла возле тротуара, занимая место трех малолитражек, и турки, которые привыкли их здесь ставить, смотрели на нее с явным желанием распилить и переплавить ее в один большой кальян, которым одновременно могли догнаться все представители мусульманского мира, находящиеся в тот момент в Берлине. Немец, который прибыл на смотрины, попросил открыть авто и долго залезал и вылезал из машины, причмокивая

языком так, будто у него в зубах застряло полкоровы. Его жена стояла и молчала, весь ее вид выдавал, что ее происхождение имеет максимум общего с происхождением Олега-водицы из Бучача. Я, затаив дыхание, считая удары своего сердца о внутреннюю стенку грудной клетки, отвернулся в сторону и в кармане рукой до боли сжал свой краник, чтобы не взглянуть «сделку века».

— Франц, — рывкнул неожиданно покупатель, протягивая свою граблю в мою сторону.

— Кузьма, то есть Андрей, — боясь спугнуть пацана, исправился я.

— Авто старое, кароче, — сказал он по-немецки, — но у меня есть мастерская и я могу довести его до ума. Купить его я не готов, но могу поменяться на восьмилетний дизельный 126-й «мерседес».

Я недоверчиво заглянул ему в глаза, поросшие рыжими мохнатыми кустами.

— Я-а, я-а! Поменяться на «мерседеса».

И это сказал мне клиент номер один, который прибежал в первый день просмотра.

«Черт побери, — подумал я, — если первый попавшийся немец меняется на "мерсюк", то следует осмотреться пару дней и обменять гребаную колымагу как минимум на самолет "Фалькон", недаром же улица называется Флюгхаффен. Везет же иногда!»

— Наин, данке шон, — отрезал я голосом Левитана, который объявил по радио «Луч» о капитуляции Германии. — Дас ист кляйне прайз. Цен таузенд марк ист гут прайз,¹² — отрезал я и ощутил, как крылья вождения прорывают на плечах куртку. Немец переглянулся со своей женой, достал визитку и протянул ее мне.

Мое предложение будет в силе неделю. Звони, если что. — Они развернулись, на прощание женщина мило улыбнулась мне золотыми коронками, от которых я на-

хватался «зайчиков», как от сварочного аппарата Патона. Так же чинно они залезли в тот «мерсюк», который по идее должен был стать моим, и вырулили из нашей боковой улочки. Вместе с их отбытием в направлении Вальсдорфа у меня появилось ощущение, что вряд ли здесь кому-нибудь, кроме бюргера с золотозубой фрау, нужна моя машина. Я поднялся наверх, а там Томас уже ловил кайф от новой партии украинцев, которые как тараканы носились у него между ногами и опустошали недельный запас хавчика. Через часок возвратился Олежек. Он решил ознакомиться с Берлином детально и непосредственно. Пробежав до Шпандау и обратно километров с пятьдесят, он не нашел того, что его сюда привело, вернулся домой и загнул в атласе следующую страницу для завтрашней пешей прогулки. Увидев в коридоре Томаса, который говорил по телефону, Олег подбежал к Барду и спросил:

— Виталик, как по-немецки будет «свалка»?

— Типа «шрот» или что-то вроде того, — ответил Бард, который в мыслях уже жевал какой-то новый вид голландских догонялок, типа грибов или желудей, и всем своим видом давал понять, что Олег не входит в его планы на вечер.

Олежека это не расстроило. Он вплотную подошел к Томасовой ноге, глянул куда-то вверх, будто на вершину Эйфелевой башни, увидел там голову, которая знает ответ на его вопрос, и крикнул туда, ввышину:

— Томас, где у вас шрот? Свалка, Томас, а?

В ответ он услышал несколько фраз, произнесенных мелодичным дискантом, которому позавидовал бы Робертино Лоретти и благодаря которому немецкий язык был бы признан самым певучим языком мира. Конечно, при условии, что перед жюри его представлял бы Томас. Олежку певучий ответ не вставил, потому что смысла слов он не уловил совсем. Махнув рукой, он пошел в комнату,

достал банку со смальцем, буханку черного хлеба, намазал себе громадную калошу, покрошил туда зеленого лучка и спрятал всю эту красоту у себя в пасти. Весь народ, в том числе и я, в ответ сглотнул большую порцию слюны. Да, мы — дети Украины тонко ощутили невидимую нить, которая через Олежку связывала нас с Отчизной. Нить, впрочем, резко оборвалась вместе с отрыжкой, которая эхом разнеслась по всему кварталу. Олежек закончил пережевывать подошву, налил себе из чайника теплой сырой воды, бросил туда пару ложек сахара и запил.

— Большое спасибо, — сказал он не то нам, не то Господу Богу, который послал ему в чужом краю вкусенькую пайку. Тут на сцене нашей мыльной оперы появился Бард и произнес свой исторический монолог.

Братья и сестры, жду вас внизу через десять минут. Сегодня наша великая миссия заключается в скрещивании двух культур — славянской и арийской. У вас будет много соблазнов. Не бросайтесь на них слепо. Помните о своем предназначении на земле. Взвесьте и решите — стоит ли. Я долго думал и понял — СТОИТ. Поэтому таким, братья мои, вы меня сегодня уже не увидите. Я окунусь с головой в чужую, но такую близкую мне культуру и буду курить, пить и жевать все, что пошлет мне Господь. Аминь! — С этими словами укрмафия шумным кагалом скатилась на станцию метро, где все скинулись, купили в автомате билет на одного и сели в поезд в количестве, достаточном, чтобы отразить налет на Пёрл-Харбор. Через две остановки в вагоне появился контролер, но мы, во избежание неприятностей, создали такую запутанную схему, что у него с непривычки закружилась голова, и он покинул поезд. (Тот, у кого был билет, долго рылся в карманах и искал его, давая возможность другим подойти к двери и дожидаться остановки. На остановке билет находился — пипл выходил на перрон и смотрел, в какой ва-

гон сядет контролер, а сам входил в другой. У контролера от такого ребуса резко подсказывало внутричерепное давление, и он переставал с нами бороться. Так было не раз, и так будет всегда, потому что мы — украинцы, и мы того стоим. Ну, вы, я думаю, в курсе.)

Нас ждали на выходе в центре, возле старой разрушенной церкви, которая должна была служить памятью об ужасах войны. Если бы с нами не было Барда, который знал в лицо нескольких персон из числа ожидающих, панический страх заставил бы нас совершить легкую пробежку в противоположном направлении, причем абсолютно все равно, в какую сторону света пролегало бы это направление. Только бы подальше от них. На тротуаре стояли, лежали, висели и торчали: панки, хиппи, нарики, педики, парни, девчонки, гермафродиты, римейки, коты, собаки и всякое разное. Во главе официальной делегации с немецкой стороны стоял Карстен — фашик в галифе, офицерских сапогах, с рыжим хайером, который свисал ниже копчика, и выражением лица больного, которому делают ректальный массаж.

— Хайль Бард, — приветствовал он нас жестом, которого мы все от него и ожидали...

— Хай, Карстен, — поздоровался Бард. Ребята обнялись и поцеловались, как настоящие мужики. Вся масса людей, которые лизались на тротуаре и прилегающих территориях, не отвлекаясь от основного занятия, поздоровались с нами. Карстен стал во главе процессии, и мы начали свое триумфальное шествие по ночному Берлину. Как в историческом фильме — то появлялись на горизонте, то исчезали за нашими спинами Триумфальная арка — та самая, что в клипе «U2», — Рейхстаг, остатки Берлин Вол¹³, телебашня с круглым, как на новогодней елке, шпилем. Карстен высоко держал ногу и чеканил каждый шаг. Его каблуки стучали по мостовой в такт его пульсу. Трава, видимо, была атомная, так как нормальный здоровый человек так идти не может.

У вас бы оторвались все внутренние органы от мощных ударов сапог о мостовую. Карстена выдавало только выражение лица. С каждым шагом все глубже заходила виртуальная рука ректального массажиста. Муки, переплетенные с неземным кайфом, читались на его дисплее. Время от времени он напевал, а точнее, наяривал бравурные военные песенки времен Великой Отечественной войны. Кто-то из толпы пробовал их подхватить, но быстро умирал от одышки. Ведь он не курил ту траву, которую курил Карстен. Таким образом, в режиме убегания от поезда в туннеле мы одолели километров десять. Может, это была проверка. Может, пройдя ее, мы стали избранными и имели честь попасть на настоящую европейскую бир-пати, которая происходила по системе «ол инклюзив». Не знаю, кто из нас дошел до конечного пункта. Возможно, кто-то умер по дороге, падая под колеса трамвая, возможно, кто-то просто успел незаметно нырнуть в метро и вернуться назад в хижину дяди Томаса. Я не уследил. Никогда в жизни я не думал, что мой язык способен облизать мои же брови. Он висел, как у пограничной овчарки, которая гналась за нарушителем и пробежала дистанцию от Краковца до Тянь-Шаня. Наконец мы зашли в дворик, который не претерпел изменений со времени взятия Берлина нашими войсками. Карстен что-то крикнул, и на третьем этаже зажегся свет. Врубился музон, и на балкон, увитый гирляндами, вывалилась толпа людей, которая готовилась к приему гостей так, что пробовала на себе все прелести системы «ол инклюзив». Так сказать, консультанты-экспериментаторы. От одной их консультации тебя уже вставляло так, будто ты скурил всю шмаль Джалал-Абада. Один из них — Ник, ирландец в тубетейке, которая срослась с его головой, с безумными глазами, заплывывая собеседника с ног до головы, рассказывал по-ирландски, как его штырит и колбасит. И ты невольно соглашался, что прекрасно понимаешь Айриш¹⁴. Кивая головой, отрывался от

реальности на летающем табурете, проскальзывая в открытую форточку на кухне. Ванна была наполнена водой и банками с пивом. Через полчаса после начала вечеринки в этой ванне уже лежали два красавца, которые лобызали друг друга так, будто не виделись сто лет. Народ подходил к ванне и выковыривал пиво из-под частей их сплетенных тел. В комнате на полу сидели в кружок человек десять, и все жрали чипсы из огромной миски, которой была старая спутниковая антенна. Разговор не клеился, так как рты у всех были заняты розовой размякшей массой. На кухне самые забойные готовили какую-то чехню, нагревая на газе жидкость в металлической ложечке. Я не вникал в процесс, так как в страхе ждал, что сейчас приедет полиция и всех нас накроет вместе с дебилом Карстеном, который все это замутил. Заплеванный Ником, я стоял на балконе и отбивал атаки страшнучей немки, которая упорно пыталась стянуть с меня футболку. Ее возраст так и остался неразгаданной тайной для немецких историков. Кожа на руках и фейсе указывала на довольно давнее происхождение этого существа, но живот и ноги будто принадлежали совсем другой особе. И если бы вмазать текилы или на крайняк просто водяры и накрыть ей голову «Комсомольской правдой» или журналом «Гудок», она бы имела какие-то шансы показаться привлекательной. Поскольку «Комсомолки» и «Гудка» под рукой не было, я поспешно слинял, попросту забежал в ванную отлить. Двое голубков продолжали месить жопами баночный «Беке» и пустили из душа горячую воду, так как им там стало холодно. «Горячий «Беке» на вкус, как компот из мухоморов», — подумал я, расстегивая ширинку. С того памятного момента я упрямо игнорирую это пиво. Поссать так и не удалось, так как ввалилось еще двое — на этот раз Ник и его подружка — мадьярка Штефи. Они хапанули какой-то новой экстрადури и забежали в туалет, чтобы укрыться от дракона, летающего за ними по квартире. Бедные дети прятали свои

головы в стиральную машину, болтая жопами в воздухе. Я был вытеснен в коридор и с переполненным пузырьком для ссак протиснулся в комнату. Чипсов было еще море, и поэтому здесь царила полная тишина, нарушаемая лишь хрустом. Я, видимо, нахватался вторяков от активно шмялящей разнообразные гербарии компании, и был уверен, что люди на полу едят живых креветок и я слышу треск их косточек. Еще бы пара секунд, и я бы бросился спасать морских рачков от беспощадных челюстей, но вбежала Линда — маньячка, которая домогалась меня на балконе. Она приволокла за ногу какого-то вырубившегося к тому моменту типа и, считая, что это я, искала укромное местечко, чтобы с ним разобраться. Из кухни неслись такие запахи, будто за углом взорвался химзавод. Оттуда выходили и выползали, а также кое-кого выносили, пока там не остался только один, наиболее выносливый Менделеев, который рухнул у ног Карстена. Тот закричал:

— Аллее зупа!¹⁵ — и ущипнул за попец какую-то юную фройляйн, которая неосмотрительно остановилась перед ним. Дальше в доме началось воспроизведение событий, имевших место во время гибели города Помпеи. Из ванной слышались стоны и вопли — Ник со Штефи залезли к голубкам, чтобы те спасли их от страшного чудища, а те поперепутали, кто кого любил, и пристроились к новопривышшим. Бард с наушниками сидел в уголке и слушал какие-то винилы. Время от времени на проигрыватель кто-то наступал ногой, но Виталик был выше этого. Он слушал музыку неба, и проигрыватель с наушниками ему нужен был только для отмазки перед примитивными человеческими понятиями. Я был вынужден пописать прямо с балкона и по большой пенистой луже внизу понял, что был далеко не первым. Гирлянды мигали как-то не в такт, и от этого на меня напала дикая икота, и хотелось простой воды, но так, чтобы кто-то подержал меня за голову и дал попить из кружки, как

мама. Ужасно захотелось домой. Я вышел из квартиры, содрогающейся от конвульсий живых и мертвых человеческих тел, и поплелся к метро, которое было в километре от нас. Неожиданно позади раздалась вопли и стук каблучков.

«Оба-на, — подумал я, — видать, в Берлине так же популярно просить закурить, как и во Львове».

— Хав ар ю, Кузма?¹⁶ — к превеликой своей радости я услышал голос Карстена. Он застегивал свою военную ширинку на все сто сорок пуговиц, что в принципе отбивало охоту лишний раз ее расстегивать.

— О'кей, айм гоинг хоум,¹⁷ — ответил я голосом великомученика Степана, если такой вообще когда-то существовал.

— Факинг аут! — позволил себе не согласиться со мной Карстен. — Ви гонна визит «Бункер». Ю ноу «Бункер», Кузма?¹⁸ — И он расплылся в такой дружеской ухмылке, что моя икота сразу куда-то пропала. Я хотел спать, мне было себя жаль, на автоответчике наверняка были какие-то звонки о покупке машины, и я возразил:

— Сенк ю, Карстен, сии ю туморров.¹⁹

— Но, Кузма, сии ю нав!²⁰ — Он втащил меня за шиворот в старый «трабант» (пластмассовая тачка, производства ГДР), запихнул на заднее сиденье и завелся. С воплем: — Ай фак наци! — он рванул с места и перечеркнул мои догадки о его принадлежности к неформальным меньшинствам. Мы неслись по ночному или уже утреннему Берлину. Карстен что-то кричал мне по-немецки, видно, спрашивал, дал ли я кому-нибудь под зад на вечеринке. Вторяки утратили свою магическую силу, и я уже не понимал немецкого. Но вежливо ответил, что покинул пати в таком же статусе, как и пришел, несмотря на единоборство с Линдой, на что он ответил:

— Линда толд ми зет ши факд сам юкрейниен гай. Ай синк ит воз ю, Кузма.²¹

К счастью, это был не я. И те же историки никогда не узнают, кого она все-таки изнасиловала. Одно я знал наверняка — секс у нее был с трупом.

Клуб «Бункер» находился на глубине 10 метров. Нас обыскивали огромные чернокожие секьюрити, пихая свои миноискатели в самые неожиданные места. Карстен громко кричал, что его немецкая жопа не для жирных черных лап, за что получил кувалдой одного из них по голове и благополучно прошел в клуб. Вся комната была от пола до потолка по периметру заставлена колонками. В тот день, как и месяц спустя, там играли диджей Спайрал Трайб из Шотландии. Они писали свой музон прямо во дворе клуба в советских военных машинах, брошенных здесь после отхода нашей армии. Хардкор — техно со скоростью 220 ударов в минуту — замораживали голову с мощностью в 25 киловатт, и чтобы ты не потерял сознание — огромный негр прижимал тебя на пару минут к стенке. После адаптации ты проходил дальше и попадал в спектральную комнату. Она была заполнена специальным цветным газом, со сладковатым вкусом, и ультрафиолетовые лампы создавали иллюзию, что ты видишь все вены и косточки на своих руках. Диджей скакал за своими вертушками вспотевший и измученный, как битюг, который таскал по Санкт-Петербургу первые трамваи. Синие круги под его глазами были размерами с блюдце, будто его били по морде все стройбатовцы Новоеврейска. На нем было два рюкзачка, в которых спали... его дети! Одному, в рюкзачке спереди, было с полгода, тому, что был сзади, года два. Детки спали и видели сны о Чебурашке. Точно знаю. Так как мне на их месте хотелось бы посмотреть именно этот сон. Я рассмотрел все капилляры и косточки на своих руках. Даже выковырял из носа козу и изучил ее спектральную структуру. Содрал пару моднячих движений у людей на танцполе и покорчился вместе с ними. Я был там как инопланетянин в мохеровом вязаном свитере и джинсах «Авис»,

купленных в военторге. Но я был в Берлине. Я мог стоять в лыжах, с тарелкой пельменей в руках и в маске сварщика на голове и не вызвал бы ни у кого ни единой эмоции. Карстен притащил какие-то таблетки и запихал одну мне в рот, оставив на слизистой рваную рану. Я сплюнул в темноту как минимум двадцатку дойчмарок, но больше сэкономил на карете интенсивной терапии, которую пришлось бы для меня вызывать в противном случае. Немного попрыгав под Спайралов, я вошел в раж и без помощи экстази провел ярчайшую клубную ночь в моей жизни, вплоть до полдевятого утра. Больше я никогда не пойду в украинский ночной клуб — настолько меня тогда вперло. Я не хочу рушить идеалы. И они у меня остались нетронутыми, как коренные зубы мудрости. Карстен долго прощался и настаивал на том, что в следующий раз экстази буду выставять я. Я же пообещал ему, что в следующий раз выставлю ему даже вареники со шкварками и с лучком. Он меня так задолбал своей манерой говорить рот-в-рот, что я готов был выдать государственную тайну взамен на его исчезновение. Так как тайны я не знал, а стоматит от воздушно-капельной инфекции был уже на подходе, я сказал, что иду отлить, и просто сбежал. Тупо вскочил в трамвай, который остановился за ближайшим углом, и проехал до первой попавшейся станции метро. Карстена я больше никогда в жизни не встречал. Он снился мне пару раз, и то после перепоя — в роли медсестры, которая пихает мне в задницу церковные свечки. Я даже пить бросил, чтобы он не травмировал мою неустойчивую психику. И он исчез навсегда.

— Энди, ю хев сам меседжес,²² — сказал Томас, когда я приполз домой. Я включил автоответчик, и тот прохрипел мне пару номеров придурков, которых интересовала моя машина. Перезвонив по одному из них, я выяснил, что вероятная будущая счастливая обладательница пре-

красного антикварного авто — дамочка, полька, у которой муж — немец. И живут они в трех кварталах от меня. Я забил с ними стрелку на после обеда. Второй больной — чувак с голосом безумца и, как потом выяснилось, с таким же видом. С ним я добазарился на часок попозже. Полька с мужем пришли точно в назначенное мною время. Пани Клаудия и господин Курт. Они были как из фильма про Флипа и Флапа. Она — большая и высокая, он — маленький и хиленький. Пани Клаудия вела разговор в стиле психологического прессинга:

— Пане Анджею, это авто мой муж мог бы купить у вас за приличную цену. Но цена, приличная с вашей точки зрения, может оказаться неприличной с его. Мой муж много работал. Он был механиком и зарабатывал на жизнь тяжким трудом. А кем вы работаете, пане Анджею? Если у вас есть желание остаться в Германии, господин Курт мог бы помочь вам устроиться сварщиком! Вы умеете сваривать? Если у вас есть родственники, которые хотят переехать сюда, мы можем помочь им с работой. Они умеют сваривать, ваши родственники? Сейчас здесь нужны сварщики, правда, Курт?

— Я-а, я-а, — качал головой старый сморчок, а я, раскатав губу, слушал ее бредни со сладко-отупевшим выражением лица и уже был готов позвонить и осчастливить свою Барбару, что мы переезжаем в Берлин и она будет гордо носить титул жены Кузьмы-сварщика. В те времена надурить меня было просто, и полька, ощутив брешь в моих мозгах, продолжала эффективно ее расширять.

— Мы живем в Берлине десять лет, пане Анджею. Я занимаю высокую должность в польском товариществе, правда, Курт?

— Я-а, я-а.

Так что все расходы по переоформлению машины мы берем на себя, а сколько вы хотите за машину? — предоста-

вила она наконец слово и мне. Пережевав сопли и сглотив всю выделенную за время ее монолога слюну, я сказал:

— Десять тысяч марок.

— Тогда спокойной ночи, пан Анджей. У вас есть наш телефон, и когда у вас спадет температура, дайте нам знать. Правда, Курт?

— Я-а, я-а.

— Пани Клаудия, а сколько вы можете дать за машину? — почти с отчаянием спросился я у нее.

— Тыле, иле она коштуе.²³

— А иле то коштуе пани зданем?²⁴ — почти заплакал я.

— Килька она коштуе, Курт? — обратилась она к мужу.

— Я-а, я-а, — по инерции ответил он, а она перевела:

Муж должен подумать. Добраноц, пане Анджей-ку, — ласково обратилась она ко мне под конец разговора и заработала еще одно бонусное очко в свою таблицу регистрации верных психологических ходов. Они застучали копытами в сторону своего «опель-капитана» 1939 года, который по сравнению с моей шаландой выглядел, как тщательно вылизанное собачье яичко. Я сел в машину, включил радио. Передавали ситуацию на дорогах Берлина для тех, кто возвращался на машинах с работы домой. Весь спектр переживаний от встречи с полькой разрывал мою голову. За полчаса я успел поверить в то, что буду сварщиком на немецкой стройке, что тачку продам за приличные бабки, что перевезу сюда Барбару и остаток своей жизни пролаю на соловьином языке Гитлера и Шнитке. Не успел я оклематься от полярно меняющихся перспектив, как передо мною вырос странный крендель с собакой. Он весь был обмотан бинтами, пластырями. Рука его была в гипсе. Возможно, любовь к езде на машинах прошлой эпохи оборачивалась для него такими плачевными последствиями. Казалось, он решил перебежать колею перед поездом, и нога застряла между шпалами. Меж тем

его пес, огромный сенбернар, выглядел опрятно, но время от времени попердывал. От старости, как объяснил позже хозяин. Из рта исполинской собаки постоянно висела слюна, будто шнурки от кроссовок, хозяин вытирал ее рукой, а руку — себе об штаны.

— Майн наме ист Фабиан. Их бин интестед ин дев ауто.²⁵

Мне непреодолимо захотелось его послать, далеко, по-украински, куда-нибудь, вместе с собачкой, слюнями, гипсом и бинтами. Столько придурков в один день — это уже какая-то тяжкая карма, а не реалии. Но миссия моя, мой долг одержали верх над эмоциями.

— Я-а, я-а. Битте. Меня звать Андре. — Почему я вдруг ступил и не сказал просто — Андрей? Что-то происходит с людьми в моменты, когда не знаешь, что лучше сказать, и несешь всякую херню.

По-немецки, как уже было сказано, лабал я слабо, но Фабиан... То ли ему поезд что-то лишнее переехал, то ли он пол-алфавита с детства не выговаривал — одним словом, этот неприятный факт очень затруднял наши переговоры.

— Вев, — сказал он вместо английского «вел». — Ай гона твай зис кав. — Типа, поездить хочет.

— Как ты, брат, со своими костылями в машину-то сядешь? — спросил я, показывая на следы его экзекуций.

Ай вел твай, — провякал он на тайском диалекте хренового английского, на фоне которого я мгновенно почувствовал себя сэром Гордоном Байроном. Фабиан принялся втискиваться на водительское кресло. А его пес — полез через него на соседнее место на диване, доставляя своему хозяину страшные мучения и боли. Он стонал и кричал, но пса не сгонял. Выдворить его можно было разве что с помощью гранаты со слезоточивым газом, которой, к сожалению, ни у Фабиана, ни у меня в ту минуту не было. Пес грациозно перелез через хозяина, измазав изюмом, который

свисал у него из-под хвоста, мое КОЖАНОЕ, бляха, кресло нафиг и заляпав слюной всю торпеду. Я, благодарный сын своих периферийных комплексов, ничего не сказал. Но глянул на пса так, что тот понял: прежде чем залезаешь в мою машину, надо жопу, как минимум, хорошо вытереть об асфальт. Фабиан занял наконец место пилота и начал дергать сразу за все ручки и тумблеры. Мне это напомнило случай из моего армейского прошлого, когда я откачивал Рому Мордуховича от эпилептического припадка, а он, не обращая внимания на мои потуги, залепил пеной, как шпаклевкой «церезит», ровно половину неврологического отделения Калининского авиационного госпиталя. Из рта Фабиана вываливались остатки сарделек, бургеров, винегретов и другой немецкой хаванины, но «Победа» не двигалась с места. Он вспотел, из-под подмышек у него мерзко воняло дохлыми крысами, пес лизал себе что-то между лап на боковом сиденье, а ситуация не менялась. Я — на заднем диване — задыхался от ненависти и хотел попеременно задушить то собаку, то Фабиана. Но не решался на это, так как брезговал тем, что выпадало из его ротовой полости. В конце концов я набрался сил и крикнул:

— Курва твоя мать!

— Вас?²⁶ Вас? — прошептал Фабиан, и пес стравил немного бутана из своего кишечника в замкнутое пространство машины.

— Шо ты вас, бля, шо ты вас? Шо ты тачку ломаешь? — Понятно, что Фабиан уловил только эмоциональную часть моего спича.

— Дизе ауто нихт фавен.²⁷

— Чувак, дай я сяду за руль, и ты увидишь, шо такое «фарен», — прошипел я наполовину по-немецки, наполовину на эсперанто с примесями яворивского народного эпоса. Бедный Фабиан нанес себе кучу новых травм, вылезая с переднего сиденья, а я сел на его место и, не обращая вни-

мания на пристальный взгляд его попукивающего друга, рванул на себя рычаг передач и тронулся со второй, как настоящий украинец, паля сцепление. Машина нервно дернулась, как гордый окунь, который гонял по озеру маленьких рыбок и вдруг сдуру зацепился плавником за крючок пьяного дядьки Стефана, который, не подозревая о таком приятном повороте событий, наливал в лодочке еще полтишок за здоровье кума. Фабиан, на заднем диванчике, ударился обмотанной головой о заднюю стойку, как называли у нас в гаражах штуку, на которой держится крыша машины, пес еще разок испортил воздух, и мы отправились в путешествие по району Нойкельн. Два турецких дедка, которые годами сидели возле подъезда и играли в нарды, только покосились в нашу сторону, но для людей их темперамента это означало, как минимум, острое предынфарктное состояние, стабильный энурез и гормональный кризис. Я выехал на широкую улицу, которая вела к супермаркету «Карштад». Через двести метров был светофор, и, зная норы своей тачки, я начал заблаговременно тормозить.

— Вай соу эли?²⁸ — пришел в изумление Фабиан.

— Это не эли — это в самый раз, — честно ответил я. Машина долго и протяжно скрипела, собирая на себе взгляды перепуганных немцев и гостей столицы. Мы затормозили ровно на белой линии светофора, за которой в трех метрах стоял полицейский на мотоцикле и всю свою ничемную жизнь ждал, кто же из честных берлинцев все-таки пересечет запретную границу. Он повернул голову на скрип тормозных колодок и, увидев то, что снилось ему в детских кошмарах, завел мотоцикл и в панике слинял в глубь города. Фабиан отметил это парадоксальное событие, и его желание завладеть чудо-машиной вспыхнуло с новой непреодолимой силой. Внутренний голос, не дождавшись моей реакция на его знаки, щипнул меня за задницу и дал понять, что на первый раз инвалиду хватит позитива, тем более, что «По-

беда» накатом делала любую другую машину, развивая опасную для ее собственных тормозов скорость. Я заметил зазор между двумя «ситроенами», въехал туда с ра тону и сказал:

— Вел, Фабиан, иц инаф.

— Ай вили, вайк дис кав, — сказанул он, устраивая мне новый сеанс расшифровки логопедических загадок. — Ай гонна синк энд кол ю тумовов. — Пес пукнул на прощание, оставил кусок изюма на переднем сиденье, и выскочил, подбодренный моим пинком, которого хозяин не заметил. Взгляд пса я запомнил надолго. Из всех созданий, которые когда-либо хотели меня сожрать, у этого взгляд был самым добрым.

Дома снова былолюдно, как на вокзале перед концом света или перед приходом поезда «Черновцы—Перемышль», из которого не могли вылезти пассажиры, что ехали до Львова, так как те, кто ехал в Перемышль, атаковали вагоны со всех сторон и своими телами замуровывали выход. И бедняги вынуждены были стать их попутчиками до Польши, в большинстве случаев даже без паспортов.

Томас в коридоре что-то мелодично мяукал по телефону, а вся чертова банда догнивала на матрасах и прямо на сумках после пати «У Карстена». Я пробрался между ногами Томаса в кухню, схавал парочку сосисок. Потом оказалось, что они предназначаюсь для собак, но лаять я после этого не начал. Снова прибежал откуда-то из предместий Олежек. После изнурительной пешей прогулки по индустриальным районам Берлина он готов был съесть всю гниющую в квартире биомассу. Но обошлось без каннибализма — он прикончил парочку предложенных мной сосисок — Томас собирался в гости к подружке, у которой была собачка Поц. Олежек тоже не залаял, и я, успокоенный этим, пошел спать. Сны были фиговыми. То какой-то мудака бесконечно бегал за мной с топором по магазину, то я бегал с топором за этим мудаком. Поздно вечером Томас привел подружку

вместе с Поцом к себе. Поц, цокая когтями, как маленькая крыска, бегал между телами и искал, на кого бы поссать. Подружка, хрупкая девочка Лили, наверное, чувствовала себя как на вулкане, восседая верхом на Томасе, и один бог знает — как у них происходили любовные игры. Ее вопли я до сих пор вспоминаю с содраганием. Не понимаю, как мне удалось тогда сдержаться и не вызвать полицию. Я выскочил на улицу прогуляться — было шесть утра. Завернув за угол, стал на цыпочки, чтобы заглянуть в окошко дружба-Томаса — художника Джона. Он не любил задерживать на ночь шторы, и под утро можно было узнать много новенького. Его жена Сандра развелась с ним год назад и приходила поиграть с ним в прошлое. Они занимались этим до самого утра напротив окна, не выключая свет. Джона это возбуждало. Ему было 40 лет. Скоро и мне сорок, неужели я тоже не буду выключать свет? Джон и Сандра дрыхли, сплетя синие от холода ноги. Я вернулся назад и увидел прямо на тротуаре истерзанный, искореженный номерной знак от своей машины. В нескольких метрах дальше валялся еще один — в еще более плачевном состоянии. Я в панике подбежал к «Победе»: окна и дверь были обхарканы, а на капоте — следы от кроссовок какого-то турецкого быдла. На крыше машины стояли пустые банки от пива и огромная гора скорлупок от фисташек, как будто их тут жрало стадо орангутангов. Кровь ударила мне в голову так, словно это Ниагара решила изменить направление и пробить небо. Я бегал вокруг, прижимая к груди искореженные номера от машины, будто собственные сложенные крылья. Мне хотелось поджечь весь Нойкельн, а всех чурок, вместе взятых, посадить на товарняк и отвезти назад, в Чуркестан. Я взбежал наверх. Томас под краном в кухне мыл своего Филиппа.

— Томас, ви мает кол зе полис, — взвизгнул я. — Туркиш дистройд май кар!²⁹

— Я-а, я-а, — спокойно заметил Томас. — Ай кол зе полис.³⁰

Немецкие полицейские отличаются от наших тем, что они все-таки приезжают, когда им позвонишь. Два дядьки, в смешных зеленых фуражках, в которых они больше смахивали на юных натуралистов, сразу начали устанавливать мою личность. Визы, шмизы, паспорта, такое впечатление, что полицию вызвали турки, а не я. Потом прицепились к объявлению на окне машины, сказали, что я должен поставить в известность налоговую службу, продавая товар на территории Германии, и получить на это лицензию. Я умоляюще заглянул в глаза Томасу, и он начал меня отмазывать. Долго, флегматично и... успешно. Полицейские свалили, а я, вспотевший и едва не депортированный, начал рисовать в голове планы мести туркам. Правда, через час приехал эвакуатор и попытался погрузить мою тачку к себе на кузов, чтобы отвезти на штрафплощадку. Полицейские вызвали его в ответ на мою хитрожопость. Шофер эвакуатора маялся с рычагами около часа. Он засовывал под машину специальные захваты и пробовал ее поднять. «Победа», как и пристало машине с таким названием, неподвижно стояла на месте. Секрет был прост — захваты пробивали прогнивший пол и залезали в кабину. Когда эвакуаторщик заметил это — то, будто старый паркинсонщик, трясущимися руками стал дергать рычаги, чтобы вытащить захваты. Но они застряли и грозили вырвать с мясом весь салон, как мы, снимая штаны, выворачиваем штанины. Осознавая всю свою ответственность за вред, причиненный арестованному автомобильному средству, бедный бывший эмигрант из Хорватии, боясь, что его за это отправят назад на Балканы, залез под мою тачку и долго оттуда не вылезал. По-моему, он зубами отгрыз свои захваты, так как другого способа освободить их не было. Я сидел на балконе, ел Олежковы семки, плевал шелуху прямо на эвакуатор и наблюдал. Бежать вниз и качать права я

боялся — как бы юные натуралисты не приехали еще раз и не решили отвезти «Победку» в «Декру» — техническое бюро, где проходят обязательный осмотр машины, которые допускают на немецкие дороги. Она бы разлетелась в клочья на стенде, который, имитируя вибрацию на дороге, проверяет амортизаторы, и поубивала бы немцев, торчащих в это время под машиной и что-то там записывающих. Хорват сел в свой эвакуатор и собрался было ехать, как тут гражданский долг владельца немецкого паспорта снова палкой выгнал его на улицу. Он достал из кузова огромный «башмак» — специальное устройство, которое крепится с двух сторон на колесе машины, блокируя его. Он лазил с тем «башмаком» еще добрый час, но так и не нашел способа впихнуть его под машину, поскольку передние и задние колеса отличались по высоте и всеми другими параметрами, и просвет под днищем не давал ему этот «башмак» туда вмонтировать. Он харкнул на стерильную берлинскую мостовую, матюкнулся по-хорватски:

— А сим тоу причкоу глову ебат! — Перевод ищите в словарях, я знаю только, что словом «причка» они называют письку у девочек, и поехал назад во двор полиции. Я же пошел к Джону, дождался ухода Сандры и поинтересовался у специалиста, какие краски невозможно смыть с поверхности автомобиля. А еще я взял у него напрокат разные колющие, режущие и просто западлистые инструменты, дождался ночи и вышел на улицу. Работал я долго. И так же долго потом спал. Жуткие вопли с улицы разбудили меня в тот миг, когда я плавал во сне в огромном бассейне, правда, почему-то с хвостом русалки и сиськами. Орали, конечно же, чурки. Все они сидели на государственном пособии, и никто из них нигде не работал. Дрыхли они долго и, к счастью, дали выспаться и мне. Каждая машина на нашей улице была мной тщательно обработана. Немецкие номера отличаются от наших тем, что они сделаны из

гораздо более тонкого металла и ломаются, в то время как наши только гнутся. Я выступал свои молоточком, и они вернули себе гордые украинские формы. А туркам я каждый номер разломал на малюсенькие кусочки, так что им оставалось разве что играть ими в паззлы. Моей больной фантазии хватило на всех. Заодно, правда, я разрисовал тачку толстожопого немца, которого встретил в первый же день после приезда. Без злого умысла, так, по инерции.

«Ничего, потом вышлю ему из дома открытку», — подумал я.

Машины турков были расписаны в духе неофашизма. Чтобы сбить с толку полицию, я малевал взятой у Джона краской огромные свастики на стеклах и писал на высвободившихся от номеров местах «Fuck turkish». Краска не только не отмывалась, но еще и воняла, как куриный помет, да и выглядела так же, оставляя грубые рельефные следы на поверхности. Казалось, будто кто-то ходил по улице с наседкой, сдавливал ей шею и заставлял гадить на машины, а потом размазывал помет пальцем по стеклу. Именно так, наверное, и напишут в своем протоколе немецкие полицаи. Не мог я отказаться и от создания гвоздем гравюр на лакированной поверхности наиболее дорогих автомобилей — трехбуквенных слов, в которых первая буква «Х», а вторая «У». Это, по моим расчетам, должно было окончательно сбить полицию с панталыку, наводя ее на мысль, что это дело рук интернациональной банды фашистов-москалей. Когда приехала полиция, турки выкрикивали что-то и махали руками в направлении нашего окна. Никогда в жизни я так сильно не потел, особенно в задней части моего тела. Под каждую штанину можно было поставить миску для стекающей с них воды. Полицейские поднялись наверх, но Томас в двух словах ответил, что его постояльцы — украинские музыканты, и никому зла не желают. А тем более несчастным туркам. Мы — за мир. Да

здравствует украинско-немецко-чурбанская дружба. Конец цитаты. Полиции этого вполне хватило, чтобы впредь никогда с подобными мелочами в его дверь не звонить.

«Победу» после этого случая я припарковал аж возле военного аэродрома Темпельхофф, за два километра от дома. Там ей ничто не угрожало. Более-менее реальные клиенты звонили все реже. Польша дала мне четыреста марок задатка, пообещав еще три тысячи шестьсот в день отъезда. Навешав мне на уши с три мотка макаронных изделий, она дождалась момента, когда мы, наивные простачки, собрали чемоданы, и в последний день действия визы объявила, что больше не даст. Мной в те времена можно было настрашать разве что голубя, который какал Томасу на балкон, но факт кидалова разбудил во мне Джека-потрошителя. Слава богу, что у меня тогда не было бензопилы. Два аккуратно разрезанных на филейчики трупа сейчас бы покоились на одной из помоек Берлина в пакетиках из «Пенни маркт». Я пригрозил польке русской мафией, которая должна была выпотрошить ее семью и в Польше, и здесь, вместе с ее мужем-хорьком. Не знаю, подействовало ли это на нее, но свет с того момента в ее окнах не горел. Правдами и неправдами я продлил визу, из-за чего оказался в долгу перед Томасом, как моральном, так и финансовом. В визовом бюро я должен был кашлять, как пес, чтобы Томасу поверили — мне нужно подлечиться в Берлине несколько дней, иначе я заражу пол-Европы какой-нибудь чахоткой.

Фабиан приходил еще раз сорок. Уже якобы должен был принести деньги — и забыл, потом снова забыл, потом пес околел, а потом я видел его вместе с этим псом в парке и сказал ему все, что я о нем думаю, на эсперанто с примесями доброжелательного русского и украинского сленга. Олежка, гоняя по Берлину в поисках свалки, научился интуитивно отыскивать в кустах аккумуляторы,

бывшие в употреблении колеса, мойки, пылесосы, краны, утюги и другой дефицитный в Бучаче товар. Он загрузил им свой «уазик» и, послав всех на три буквы, благополучно отправился в обратное путешествие в одиночку. Бард ходил по вечеринкам, курил шмаль и кайфовал, особо моими бедами не проникаясь. Потому что беды-то были мои, а не Бардовы. Вся толпа, которая собиралась отчалить с Олегом и которую он кинул, поехала домой поездом. Я остался один, страховка у «Победы» закончилась, а новая стоила 250 дойчмарок, которые я мог разве что нарисовать красками Джона в тетрадке по математике.

В одно промозглое холодное утро я поднял Барда и сказал:

— Бард, я звонил этому типу, который хотел меняться на «мерс». Он отказался ехать сюда и просит, чтобы мы приехали к нему. Садись со мной, будешь зырить в карту. Поедем огородами, чтобы было поменьше полиции.

— О'кей, — неожиданно согласился Бард.

Мы встали и поехали в Вальсдорф. По прямой туда было километров сорок. На одолженные у Томаса деньги мы заправили шесть с половиной литров бензина и отправились в неизвестность. Как назло, полиции в городе было, как мух в студенческой столовой. Бард держал палец на карте и вел им по боковым улочкам, выискивая наименее заметные дороги. Сто раз мы заезжали в тупики и упирались в ворота заводов и депо. Сто раз мы останавливались на светофоре непосредственно за полицейской машиной. Сто раз мои сфинктеры сжимались тисками, ощущая напряженность ситуации. Поездка без страховки грозила нам пожизненной депортацией из Европы и конфискацией машины, черт бы ее побрал! Я проклял художника, Орыську, Львов, Новоеврейск, себя, Лесика с Вовкой, их сигареты, проклял все, что было связано с этим супернефартовым тарантасом, который лучшие месяцы моей жизни похоронил в турецких гетто

Берлина. В конце концов, мокрые и счастливые, мы вышли из машины напротов забора автомастерской Франца Бодена в Вальсдорфе. Я позвонил, нам открыла его жена:

— Оля, — отрекомендовалась она. — Я из Броваров, мальчишки. Еще тогда хотела вам сказать, но как-то не решалась. Заходите. Боже, Франц был так зол, когда ты отказался. Он и «мерс» тот продал уже, но я его попросила на что-то другое поменяться.

Мы с Бардом, шокированные, но счастливые, что имеем в конце концов союзника в немецком лагере, зашли на их территорию. Франц стоял с грозным видом, держа руки в карманах. Он не поздоровался, а сразу же предложил:

— Выбирай, мол, тачку из этих четырех. — На площадке стояло четыре десяти-двенадцатилетних машинки: два «опеля-рекорда» и еще какая-то зараза. Для меня все они казались экспонатами с автомобильной выставки SIA. Слезы радости хлынули у меня из глаз, когда я сел в облюбованный «опелек» и дверь закрылась легеньким движением, багажник не надо было подпирать лопатой, машина тронулась, будто поплыла. Я плакал и вытирал сопли о штаны, так как обивочка салона была, как вчера шитая. Франц выдал мне бумаги, которые позволяли ездить по Берлину два дня, до момента получения транзитов. Никто не собирался их добиваться, немецкие законы сильно не соответствовали моим требованиям. Я назначил момент отъезда на завтрашнее утро и пошел с Бардом на концерт «Соник Юс» в клуб «Тахелес» на границе Восточной и Западной части Берлина прямо возле того места, где пару лет назад еще стояла Стена. Это было мудрое решение, скажу я вам, проторчать в клубе до трех ночи, а в четыре часа выезжать в Украину. Экстравагантности в решении простых вопросов мне было не занимать. Я, мягко говоря, слегка невыспавшийся, чуть-чуть измученный, с синими блудцами под глазами подрулил к дому Томаса

на новой тачиле. Любовно глянув на нее, я заметил на другой стороне улицы огромную гору разнообразного товара. В Берлине практиковалось выбрасывать старые вещи из дома, чтобы не заморачиваться при переезде на новую квартиру. Как раз кто-то из немцев выставил, вероятно, большую часть мебели, которая была у него в доме, а может, даже и всю. Выглядела эта картина так, будто кто-то аккуратно сбросил с балкона аппаратуру и мебель на улицу, но она при этом, перышком спланировав вниз, ничуть не пострадала. Это — успех, решил я и начал поспешно грузить в машину найденное сокровище. Надо было успеть сделать это до появления турков и поляков, которые любили такого рода раздачу и могли спокойно прибить меня на месте находки. Великолепный уют «Бош», чуть пригоревший по краям, но для Новоеврейска — это восьмое чудо света, у него была даже такая штука, которая пшикает на белье. Радио «Панасоник», в прекрасном состоянии, с потрескавшейся на солнце краской, телевизор «АйТиТи» — военные технологии, припомнил я американский фильм, где одноименная контора делала аппаратуру для самолетов. Правда, штекер у телика был обрезан, но, слава богу, со штекерами в Новоеврейске никаких проблем не намечалось. Четыре колеса от джипа и всяческие фигнюшки-безделушки, которые были аккуратно сложены в ящик вместе с кучей видеокассет. Всем этим я набил машину под завязку, побежал наверх к Томасу, собрал свои вещи и написал ему записку, в которой искренне благодарил его и обещал вернуть долги в следующий приезд. Днем раньше, не имея денег на собачьи сардельки, которые стоили дешевле других, мы с Колей из Бишкека согласились перенести какой-то хлам одному арабу за двадцать марок на брата. Мне нужны были деньги на бензин, и мы на протяжении трех часов таскали его срань в ящиках из-под бананов с шестого этажа на первый к его

жирной арабской кобыле. С последней партией «товара» я поспешил, чтобы не сблевануть от запаха, шедшего от мешка с кальсонами и халатами, в которых у них лазят мужики, и дико подвернул себе ногу. И вот теперь я выезжал из Берлина, имея полупустой бензобак, восемнадцать марок и две ноги — одну нормальную, а другую как колонна Исаакиевского собора. Она едва влезала в машину и лежала, как спиленное дерево посреди дороги. Давить ею на педаль было очень больно, и я вспомнил, как насмеялся над Фабианом, который каждый раз приходил ко мне со все большим количеством травм и переломов.

Я уважаю Гитлера за одну вещь, которая, вероятно, никогда не будет сделана в Украине, — автобаны. Я был на границе уже через полтора часа и, когда увидел, как впереди метров за двадцать трепещет на ветру флаг Жечи Посполитой, еще раз всплакнул. На чужбине я стал сентиментальным. Чужой среди своих и свой среди чужих, где-то так это и выглядело. Немцы поизучали документы, куда-то с ними исчезли и очень быстро прибежали назад, вернув мне все бумаги. Им нравилось, когда наши оставляли их территорию. А поляки наоборот — не любили, когда мы въезжали к ним с немецкой стороны. Я прямо из окна машины подал брату-славянину бумаги, и он, покрутив их в руках, заявил мне следующее:

— Машину влево, сам падай сюда.

Я отъехал в сторону и вернулся к поляку-фашисту. Таможня у них общая с немцами, и мне показалось, что он просто вжился в роль собрата с другой стороны границы.

— Чи вшистко в пожондку?³¹ — спросил я его.

— Вшистко, курва, НЕ в пожондку.³² — Этих слов я уж никак не ожидал услышать. Оказалось, что в предыдущий раз, когда я возвращался из Германии на машине, которую купил мой друг Гаврик, на польско-украинской границе козлы-поляки не вписали мне в паспорт, что я выехал на

ней из Польши. И тем самым дали возможность своему коллеге на въезде из Германии надо мною поиздеваться. Сначала я на коленях умолял их, потом бился в истерике, потом плевал на стекло буд ;и, в которой они сидели, потом извинялся и цитировал им Мицкевича, потом пел песни Будки Суфлера, снова харкал на стекло и посылал их куда подальше. Ничего не помогало. Назад в Бундес меня бы не пустили, так как виза была закрыта, а вперед меня не пускал гад-пшек и не хотел взамен ничего. Так я простоял целый день до ночи, голодный и злой. Надо было что-то предпринимать. Я попросился в один из вагончиков, чтобы позвонить Феде, чтобы Федя позвонил полякам на границу, чтобы поляки позвонили другим полякам на другую границу, чтобы те меня пропустили. Польша из вагончика не взяла с меня деньги за звонок, поскольку мой план показался ей планом человека, которого необходимо хорошенько подлечить. Я и сам не верил в этот план, но лечиться не хотел. Нога распухла до невероятных размеров, так что скоро нужно было бы разрывать штанину внизу, чтобы она в нее пролезала. У польки, которая дала позвонить, я стибрил со стола чупа-чупс и теперь ходил по таможне и сосал его в ожидании чуда. Два таких же дебила, откуда-то из далекой Рассеи, лазили гуськом с подобными проблемами. Они подходили к окошку, за которым сидел пшек, и говорили:

— Пан, слышь, пан! Ну че ты выйю, ну в натуре? Давай вымыслим че-нють. Может, те денежку дать, там пеньонз³³ какой. Ну шо ты скот такой, пан? Выйди, да хоть памувим с тобой, как товажише. А то сидиш там, как эдат, Хрен Ушастый.

Поляк уже не обращал на нас троих внимания. Он решал кроссворды, смотрел по телику мультики, читал пожелтевшие от времени памятки таможенника, висевшие на стене. Лишь бы не обращать на нас внимания.

— Может, в тебе беда какая, — продолжал расейский брат, — может, умирал кто-то. Или ты сам по себе такой замкнутый.

Так прошло около полусуток, и когда ноченька поглотила все вокруг, я заметил, что из тех двоих остался один, а потом и тот исчез. Причем вместе с машинами, которые они гнали куда-то аж в Казахстан. Таинственное исчезновение происходило после того, как каждый из них некоторое время простоял под фонарным столбом. Я тоже пошел, стал под тот столб, и, как в сказке, ко мне из кустов вышел солдат-погранец с бордово-красным носом, который выделялся на фоне такого же бордово-красного табла.

— Цо, пане, не пушайоу? — спросил он, наверняка зная ответ.

— Не пушайоу, суки, — ответил я, в надежде на спасение.

— О, то курче бляде, не?

— Курче бляде, — согласился я.

— И цо, бенджеш так став цаве жиче?³⁴

— Но, не хчав бым.³⁵

— Но то пшинешь ми тши вудки «Абсолюты» и паре чеколядек, а зобачими, цо бендже.³⁶

За три «Абсолюта» и шоколадку мне пришлось бы отдать все мои деньги, да еще бы и не хватило. Глупо было предлагать погранцу телевизор с отрезанным штекером или суперутюг «Бош» с пригоревшими краями. Я попробовал торгаться:

— Зоставо ми тылько 18 марек, — склонив голову, как верный конь над убитым хозяином-казакон, виновато признался я.

— То щаслива, таварищ, — поляк развернулся и собрался уходить, но я схватил его за рукав и заглянул в глаза так, что разглядел наросты на аппендиксе:

— Чекай, зараз пшийде,³⁷ — я стремглав погнал в во-
нющий вагончик с названием «Дьюти фри шоп» и на все
бабки купил три маленьких «Абсолюта» (ясное дело, по-
ляк хотел большие) и две малюпусенькие шоколадки. По-
ляк-красный нос ждал меня, не сходя с места и, Бог сви-
детель, он стоял бы там до Второго Пришествия, так как
синдром «хочувыпитьужеидофига» не относится к недугам,
от которых легко избавиться.

— Естем, — запыхавшись, сказал я и протянул ему
пакет.

— Цошь он льогки какой-то, — недоверчиво скривил-
ся он, заглянул внутрь, причмокнул и сказал:

— Льегки, но смачни. Давай руски, — с ударением на
первые слоги скомандовал пограниц, — я подейма шлябан
и юж че нема. Полиция и то вшистко — твуй проблем.³⁸

Мне полиция-шмилиция были по барабану, мне надо
было вырваться отсюда, а дальше я сам разберусь. Я сел в
«опелек», завел мотор и стал ждать, пока поднимут шлаг-
баум. Секунды тянулись долго, и я почувствовал, как се-
деет волосок у меня на копчике. Когда он побелел до кон-
ца, шлагбаум медленно, как в американских фильмах в
рапиде, начал поднимать свой клюв вверх. Я посмотрел
в сторону вагончика, где сидел мой мучитель, открыл дверь
и подошел вплотную к окну. Поляк дремал, положив го-
лову на кулаки. Я забарабанил в окно, и он от испуга под-
жал руки, а подбородком со всей дури навернулся об стол,
прикусив свой поганый язык.

— Смотри, пан. Фокус по-украинску. Ото я естем, —
разведя руки в стороны, крикнул я, — а ото мне, курва,
нема.

И с этими словами я запрыгнул в машину и погнал к
шлагбауму, даже пукнул от волнения, причем таким мака-
ром, что звука почти не было, а глаза выело, как соляной
кислотой. С одной стороны, я провернул супераферу — ме-

ня с неотмеченными документами пропустили в Польшу, то есть каждая полицейская машина — означала конец резидента. А с другой — бензина у меня было только до Кракова, и как ехать дальше, не знал даже мой ангел-хранитель, который задолбался вытаскивать меня из переплетов и храпел на заднем сиденье. С третьей стороны моей системы координат — в машине была гора хлама, и я надеялся что-нибудь кому-нибудь загнать в обмен на бензин.

— Лучше принимать решения по мере того, как возникает необходимость, а не загодя, — успокоил я сам себя такой аксиомой и проехал пол-Польшу на автомате, не понимая, как мне это удалось. За всю дорогу я прекрасно позавтракал, пообедал и поужинал шоколадным батончиком и тем самым лишил себя необходимости останавливаться в дороге пописать и покакать, нещадно расходуя на это драгоценное время, которого в принципе до голодной смерти у меня было еще доoooooooo... херища. Я остановился в селе Суфчин перед Жешувом, до которого мне чудом хватило горючего, поскольку ехал я, благодаря победовской закалке, в основном, накатом. Заехал на гору — выключил мотор, съехал с горы — включил мотор. В селе Суфчин возле автобусной остановки с надписью «Лирой» был «шрот». На нем продавалось как лучшее, так и обычное беушное автомобильное говно, которое предусмотрительные поляки притарбанили с Запада. Я остановился перед воротами и зашел во двор дома. Неожиданно ко мне подбежал пес, ростом с коня Пржевальского. Я проигнорировал его присутствие, что не укладывалось в его собачью логику: убегают — догоняй. Вопрос стоял теперь иначе: послали — иди на... Псу были необходимы долгие столетия его рода, чтобы мозг смог реагировать адекватно на такие ситуации. Поскольку этот багаж знаний у него отсутствовал, пес поджал свой лошадиный хвост и потрусил целлюлитной жопой в огромную тепленную будку, в которой с удовольствием поселился бы и я.

Хозяин, в шлепках, вырулил на середину двора, с удивлением глянул на собаку, а потом на меня:

— Як ты ещэ жиеш?³⁹ — поздоровался он.

— Он мне хыба покохав,⁴⁰ — поздоровался я.

— Цо ты тутай шукаш?⁴¹ — спросил он.

— Я спшедае опоны, бардзо добре опоны,⁴² — ответил я.

— Покаж, — попросил он.

Я показал четыре офигенных колеса от джипа, шестнадцатого радиуса, с немецкой помойки.

— Я пьердоле! — крикнул не то от восторга, не то от негодования владелец свалки. — Дае чи за то по 30 звотих за ково.⁴³

Сто двадцать злотых в сумме — просто немеряные бабки за мой хлам. Чтобы он не передумал, я выхватил у него из руки сотку и, пока он ходил за двадцаткой в дом, перелез через пса, запрыгнул в машину и на радостях сбился с курса, приехав на нашу границу на час позже, чем мог бы. Был жуткий туман, и такая же жуткая очередь стояла на въезде в таможню. Я вылез, вытягивая свою больную ногу, будто отдельный от меня предмет, и пошел прогуляться, если мою походку можно было так назвать. Если бы все это происходило днем, люди, сидящие в машинах, набросали бы мне мелочи, приняв меня за инвалида, который стреляет деньги на жизнь. Насчитав двести десять машин до шлагбаума, который мы с Бардом чуть не снесли пару недель назад, я вернулся к своей.

— Вас приветствует Рава-Русска, — сказал мне крендель, сидевший на капоте моего «опеля» в компании еще четырех баранов, которые жевали сопли и курили, обогащая тем самым свои вкусовые ощущения.

Они обступили машину и через окна успели проанализировать все ее внутреннее содержание, которое представляло для них большой интерес.

«Рэкет», — мелькнуло у меня в голове. Это же надо было встретить их первый раз в жизни, за десять метров от дома и с полным багажником барахла. Люди в соседних машинах активно делали вид, что спят, косясь из-под шапок в мою сторону в ожидании расправы.

— Што везем? — спросил хамовитый бычара, который, видимо, долго шмыгал носом и теперь проглотил всю жвачку, натянутую из носооглотки.

— А твое какое дело? — борзо начал я, так как начинать неборзо не было смысла.

— Ты на кантроле у люблинско-львовской бригады. Мы тут атвечаем за праезд, и ты должен нам заплатить двести злотых, поал? — Бык, который глотнул сопли, еще раз попробовал что-то добыть из своих недр, но, видно, следующий комок соплей перекрыл ему доступ кислорода, и он в одно мгновение посинел. Затем, судорожно хватая воздух, харкнул этим добром и попал себе на ногу. Вытерев все это об траву, он замочил себе штанину чуть ли не до колена и выглядел теперь очень грозно, как обоссанный.

— Нет у меня денег, — руша их планы, отрезал я.

— Тада давай таварам, — вмешался в разговор тот, что заговорил первым.

— Какой это товар в п...у! Это же мусор со свалки, ребята, — попытался объяснить я.

— Ребята у мамы на огороде. Мы — ПАЦАНЫ! — гордо поправил меня маленький бычок, который жрал семки и курил одновременно, заплевывая шелухой три машины в радиусе.

— Это же МУСОР, пацаны, — исправился я.

— Открывай, кароче, багажник — мы врубимся, что это за мусор, — приказал мне их босс, который сидел на капоте.

Я в расстроенных чувствах открыл багажник, и они начали рыться, как опарыши в говне, в моем богатстве.

— О! Телевизор нехилый, — тот, что чуть не подавился соплями, показал на телик с обрезанным штекером. Потом, через пару дней, до Новоеврейска докатится слухок, что у одного бандюка из Равы-Русской сгорела хата из-за того, что взорвался телевизор, который он притащил домой. В тот момент, когда его жопа была снаружи, а нос и грабли рылись в моих вещах в багажнике, он не знал, какой конец ждет каждого, кто включает выброшенный телик с отрезанным шнуром. Слава богу, что он лишил меня удовольствия испробовать это на себе. Наш дом номер 5 на Героев УПА в Новоеврейске не простил бы мне самого сильного в истории нашего города пожара. Меня бы повесили на сосне на въезде со стороны Львова вместо знака «Новоеврейск».

За телевизором отправились уютю, магнитофон и другие прибабасы. Быки тащили из машины абсолютно все, вычищая ее до дна, как голодный пес вылизывает тарелку с салатом оливье.

Перегрузив товар в свой убитый «форд-транзит», они собирались было гордо отчалить, но я перегородил им дорогу и сказал:

— Эй, ребята-пацаны, вы, такие крутые мужики, а сбегаете. Вы же обещали провести меня без очереди? И шо теперь? — Бандюки застыли в своих глуповатых позах с бычками во ртах. Вокруг на дороге стояла масса людей, которая слышала мои слова. Никто из быков не обещал мне ничего подобного, но об этом знал только я. Все же другие подумали, что мы заключили с ними соглашение. Их имидж был на грани провала. Если они сейчас уедут, пойдут слухи об их недостойном поступке, и им перестанут платить. Босс сплюнул бычок на землю и, понимая, что надо выйти из всего этого КРАСИВО, подошел ко мне и прошипел:

— Да-да, малыш, шас все парешаем.

При этом он смотрел на меня взглядом, переполненным любви, уважения и понимания.

— Падаждите тута, пацаны, я перебазарю с пагранцом, — сказал он офигевшим бандюкам, которые не могли выйти из ступора и застыли на месте. Возможно, сегодня они продолжают разбирать эту историю на занятиях по практической тактике со своими последователями, которые контролируют дорогу Львов — Люблин, но что-то мне подсказывает, что они сгребают перегной на огородах Равы-Русской или мешают бетон на стройках Конче-Заспы.

Босс вернулся минут через пять:

— Малыш, я еду вперед, а ты за мной, понял? Возле пагранца мы тебя аставим, он пра все в курсе.

И он действительно был «в курсе». Бандюки побоялись кинуть меня на глазах украинского народа, который следил за происходящим. Я переехал на нашу сторону, ко мне подошел улыбающийся Федя и победным тоном заявил, что мой «опель» не может быть растаможен согласно закону, который вступил в силу ВЧЕРА, поскольку ему больше десяти лет. Я почувствовал, что, наконец, я дома, облегченно вздохнул и, оформив транзит в Казахстан, поехал в Новоеврейск. За воротами таможни меня встречала делегация: Барбара, Лесик, Вовчик и Скрыба. Они торчали здесь уже семь часов и переживали, и я это чувствовал. Когда я нарисовался на горизонте, Лесик докуривал последнюю сигарету из трех пачек, которые они взяли с собой. Слезы не смывались дворниками «опеля», потому что текли они из моих глаз. Я притормозил рядом с ними и открыл правую дверцу.

— Садитесь, банда! — махнул я им рукой.

— Ща, ща, только перекурим, — сказал в ответ Вовчик и смачно затянулся.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОВЕСТИ
«Я, «ПОБЕДА» И БЕРЛИН»

1. Куда едете?
2. Я сказал — ехать, а не толкать!
3. Открывай!
4. Говорил.
5. Тихо.
6. Дочь.
7. Снимок.
8. Да, да. Прекрасно.
9. Извините, я не говорю по-немецки. Не могли бы вы говорить по-английски?
10. Нет, я не говорю по-английски.
11. Он интересуется твоим авто.
12. Этого мало. Десять тысяч марок — хорошая цена.
13. Берлинская стена.
14. Ирландский.
15. Все супер!
16. Как ты, Кузьма?
17. О'кей, еду домой.
18. Мы собираемся в «Бункер». Знаешь «Бункер», Кузьма?
19. Спасибо, Карстен. Увидимся завтра.
20. Нет, Кузьма, увидимся сейчас!
21. Линда сказала мне, что она трахнула украинца. Я думаю, это был ты, Кузьма.
22. Энди, тебе пришло несколько сообщений.
23. Столько, сколько она стоит.

24. А сколько она стоит, по-вашему?
25. Меня зовут Фабиан. Меня интересует авто.
26. Что?
27. Этот автомобиль не едет.
28. Почему так рано?
29. Томас, мы должны позвонить в полицию. Турки уничтожили мою машину!
30. Я позвоню в полицию.
31. Все ли в порядке?
32. Все, блядь, не в порядке.
33. Деньги.
34. И что, будешь стоять так всю жизнь?
35. Ну, не хотел бы.
36. Тогда принеси мне три водки «Абсолют» и пару шоколадок, посмотрим, что из этого получится.
37. Подожди, сейчас приду.
38. Я подниму шлагбаум — и тебя уже нет. Полиция и все остальное — твои проблемы.
39. Как ты еще жив?
40. Кажется, он меня полюбил.
41. Что ты тут ищешь!
42. Я продаю покрышки, очень хорошие покрышки.
43. Даю тебе за это по 30 злотых за колесо.

Кузьма Скрябин (настоящее имя Андрей Кузьменко) родился в городе Самбор Львовской области 17 августа 1968 года. Закончил музыкальную школу по классу фортепиано. В 1989 году записал первую песню в составе музыкальной группы «Скрябин». Сейчас Андрей — популярный певец, автор музыки и текстов многих десятков песен, а еще он известен как талантливый писатель. В 2006 году издательство «Фолио» выпустило на украинском языке его первую книгу, включающую две повести и тексты его песен. Эта книга стала бестселлером украинского книжного рынка 2006—2007 годов. Сегодня вниманию читателей предлагается перевод повестей Кузьмы на русский язык.

**Я,
«Победа»
и Берлин**

Первая из них — **«Я, «Победа» и Берлин»**, пронизанная юмором, веселым настроением, несомненно, рассмешит даже очень серьезных читателей. События происходят вокруг выдавшего виды автомобиля марки «Победа», на котором Андрей со своим другом Бардом отправляется в столицу Германии. Вторая повесть — **«Город, в котором не ходят деньги»** — совсем иная по жанру. Это невеселая история о девушке Алисе, оказавшейся в ужасном городе, из которого нет дороги назад.

ISBN 978-966-03-4518-8

9 789660 345188

интернет-магазин

OZON.ru

34760682